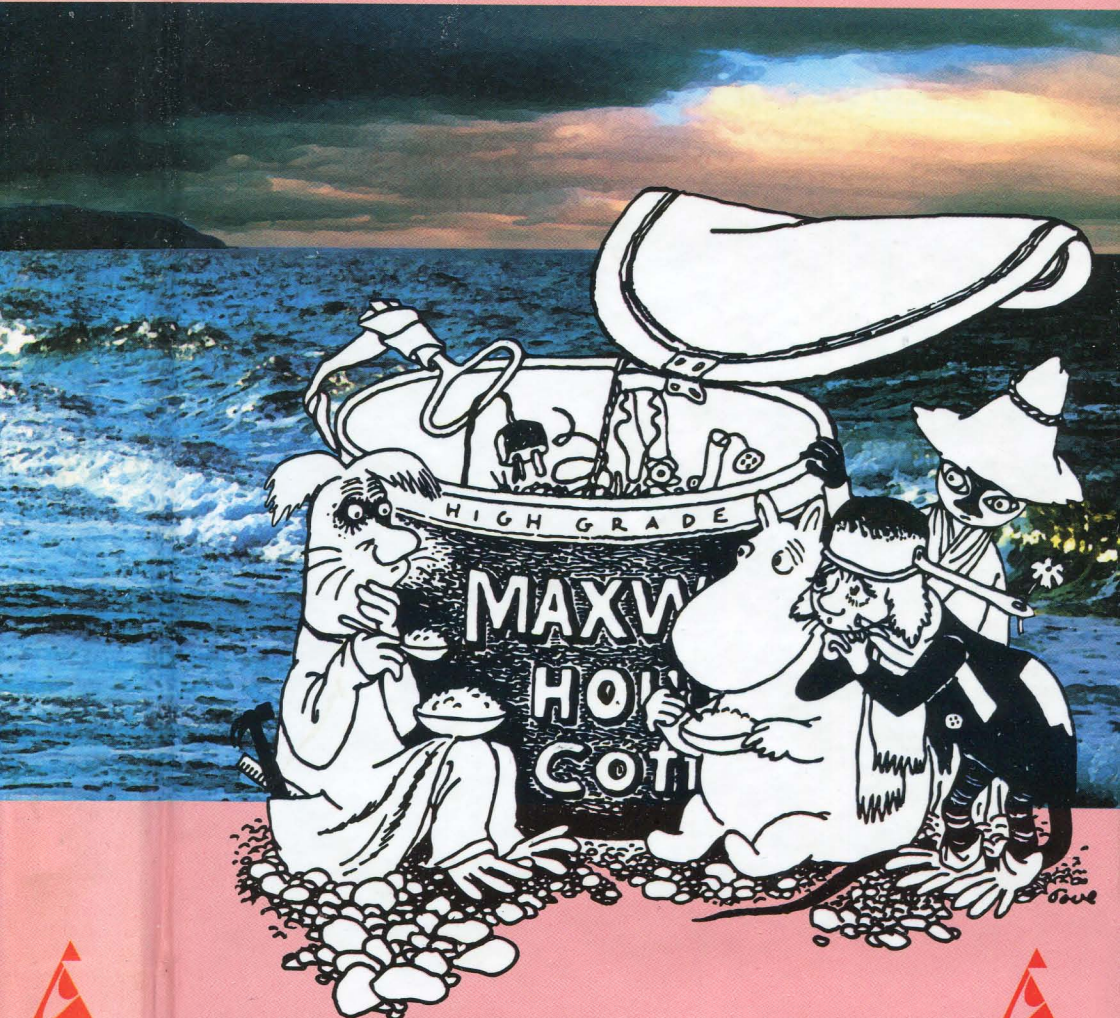

ТУВЕ
ЯНССОН
МЕМУАРЫ
ПАТТЫ
МУМИ-
ТРОЛЛЯ

ТУВЕ ЯНССОН

Мемуары папы Муми-тролля

**ТУВЕ
ЯНССОН**

МЕМУАРЫ
ПАТТЫ
МУМИ-
ТРОЛЯ

Туве Янссон

Мелзары напы Мули-тролля

Иллюстрации
автора

Санкт-Петербург
ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»
1998

УДК 82-93
ББК 84.4 Фн
Я 65

Оформление Вадима Пожидасва

MUMINPAPPANS MEMOARER © TOVE JANSSON
First published (1946, rev. ed. 1968) by Schildts Förlag, Finland

Издатель выражает благодарность
Schildts Förlags AB, Finland

Янссон Т.

Я 65 Мемуары папы Муми-тролля: Повесть-сказка / Пер. со швед. Л.Брауде и Н.Беляковой. — СПб.: Азбука, 1998. — 224 с.

ISBN 5-7684-0523-2

ISBN 951-50-0877-8 (фин.)

Может быть, вам, юные читатели, и не верится, что все папы когда-то были маленькими... Но почитайте мемуары папы Муми-тролля, и вы убедитесь в этом.

© Л.Брауде, перевод глав 1—4, 1998

© Н.Белякова, перевод глав 5—8, 1998

© «Азбука» — «Терра», русское издание, 1998

ISBN 5-7684-0523-2

ISBN 951-50-0877-8 (фин.)

Однажды, когда Муми-тролль был совсем маленький, его папа в самый разгар жаркого лета умудрился простудиться. Папа не пожелал пить горячее молоко с луком и сахаром, он не захотел даже лечь в постель. Сидя в саду на качелях, он без конца сморкался и говорил, что у него просто ужасные сигары. По всей лужайке были разбросаны папины носовые платки, которые мама Муми-тролля уносила в маленькой корзиночке.

Когда насморк стал еще сильнее, папа перебрался на веранду и, устроившись в кресле-качалке, закрылся по уши одеялами. Мама принесла ему большой стакан яичного ликера с ромом, но — увы! — слишком поздно. Ром оказался таким же невкусным, как молоко с луком, и тогда, совсем отчаявшись, папа отправился в северную мансарду и лег в кровать. Он никогда раньше не болел и теперь был очень встревожен.

А когда у папы заболело еще и горло, он велел маме позвать Муми-тролля, Снусмумрика и Сниффа. Они обступили папину кровать, и Муми-папа обратился к ним с речью: пусть, мол, никогда не забывают, что на их долю выпало жить вместе с ним — с настоящим искателем приключений. Под конец папа так охрип, что, когда он попросил Сниффа принести трамвайчик из пенки*, стоявший на комодѣ в гостиной, никто не мог понять, чего он хочет.

Все стали наперебой утешать папу, закутали его в одеяла и, оставив ему леденцы, аспирин и увлекательные книжки, вышли на солнышко.

А папа посердился-посердился да и заснул. Когда уже под вечер он проснулся, горло болело чуточку меньше, но папа все еще был не в духе. Он позвонил в колокольчик, стоявший на тумбочке возле кровати, и мама тут же поднялась по лестнице в мансарду и спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

— Скверно, — ответил папа. — Но это не имеет значения. Сейчас гораздо важнее поговорить о моем трамвайчике из пенки.

* Легкий огнестойкий материал.

— Это тот трамвайчик, который украшает нашу гостиную? — удивилась мама. — А что с ним такое?

Папа приподнялся и сел в кровати:

— Ты и в самом деле не знаешь, чем был для меня в дни молодости этот трамвайчик?

— Наверно, ты выиграл его в лотерею или что-нибудь в этом роде, — сказала Муми-мама.

Папа чихнул и, покачав головой, со вздохом заметил:

— Так я и думал. А что, если бы нынче утром я умер от простуды?! Ведь никто из вас и понятия не имеет об истории этого трамвайчика. Точно так же, как, возможно, о многих других важных вещах. Ведь я рассказывал вам о своей молодости, но вы, конечно, все забыли.

— Может быть, какие-то мелкие подробности я и забыла, — призналась мама. — Ведь память постепенно слабеет... Хочешь пообедать? Сегодня фруктовый суп и желе.

— Ужас! — мрачно изрек папа и, повернувшись к стене, сильно закашлялся.

Мама Муми-тролля поглядела на мужа и вдруг сказала:

— Знаешь, я сегодня убирала на чердаке и нашла толстую тетрадь. Что, если тебе написать книгу о своей молодости?

В ответ папа перестал кашлять.

— Это было бы очень кстати, пока ты простужен и не можешь выходить из дома, — продолжала мама. — Когда пишут о своей жизни, это, кажется, называется мемауры или что-то в этом роде?

— Не мемауры, а мемуары! — буркнул папа.

— А потом ты бы читал нам вслух то, что написал, — продолжала уговаривать его мама. — Например, после завтрака или после обеда.

— Так быстро книгу не напишешь, — проворчал папа и высунулся из-под одеяла. — Не думай, что это так просто: взял и написал. Я не стану читать ни слова, пока не закончу целую главу. И сначала прочитаю только тебе, а потом уж всем остальным.

— Да, пожалуй, ты прав, — согласилась мама и пошла на чердак за тетрадью.

— Как папа? — спросил Муми-тролль.

— Получше, — ответила мама. — А теперь, малыши, не шумите, потому что с сегодняшнего дня папа начинает писать мемуары.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я, папа Муми-тролля, сижу в этот вечер у окна и вижу, как на темном бархате мглы светлячки вышивают таинственные знаки. Эти быстротающие завитки — следы короткой, но счастливой жизни.

Отец семейства и хозяин дома, я с грустью оглядываюсь назад, на свою бурную молодость, которую собираюсь описать, и перо мемуариста нерешительно дрожит в моей лапе.

Однако же я успокаиваю себя мудрыми и утешительными словами, которые прочитал в мемуарах еще одной значительной личности и которые здесь воспроизвожу: «Каждому, к какому бы сословию он ни принадлежал, свершившему в жизни славное

деяние или то, что воистину может почи-
таться таковым, должно, ежели он привер-
жен истине и добру, собственноручно опи-
сать свою жизнь. Хотя и не следует браться
за это прекрасное дело, пока не достигнешь
сорокалетнего возраста».

Мне кажется, я свершил немало славных
дел, а еще больше таковых, кои представ-
ляются мне славными. И я в достаточной
мере добр, привержен истине, если она не
слишком нудная (а сколько мне лет, я за-
был).

Да, так вот, я уступил настояниям моего
семейства и собственному искушению рас-
сказать о самом себе. И охотно сознаюсь
в том, что считаю заманчивым, если меня
станут читать во всей Долине муми-троллей!

И да послужат мои неприятзательные
заметки уроком и утешением всем муми-
троллям, и в особенности моему сыну. Моя
некогда прекрасная память, разумеется, чу-
точку притупилась. Но, за исключением
отдельных небольших преувеличений и
ошибок, которые наверняка только усилят
местный колорит и живость изложения,
жизнеописание мое будет вполне соответ-
ствовать действительности.

Уважая чувства всех ныне здравствующих
лиц, я иногда заменял, к примеру,

филифьонок хемулями, а гафс — ежихами и так далее; но догадливый читатель во всяком случае поймет, как было на самом деле.

Кроме того, он поймет, что Юксаре — это таинственный папа Снусмумрика, и, без сомнения, согласится с тем, что Снифф ведет свой род от зверька по имени Шнырёк.

Ты же, малое, неразумное дитя, что видишь в отце своем достойную и серьезную особу, прочитай историю приключений трех отцов и задумайся над тем, что один папа не слишком отличается (по крайней мере не отличался в молодые годы) от другого.

Ради себя самого, своей эпохи и своих потомков я обязан описать нашу удивительную юность, такую богатую приключениями. И думаю, что многие, читая мои мемуары, задумчиво поднимут мордочку и воскликнут:

— Каков этот муми-тролль, а!

Или:

— Вот это жизнь! (Ужас, какой важной персоной я себя ощущаю*.)

* Если вы теперь всерьез приступите к чтению моих мемуаров, я предложил бы, чтобы вы снова все начали с самого начала.

Под конец я хочу горячо поблагодарить всех тех, кто в свое время споспешествовал тому, что жизнь моя стала безусловно произведением искусства. И прежде всего Фредриксона, хатифнаттов и мою жену, единственную в своем роде маму Муми-тролля.

*Муми-дален**

Автор

* То же, что и Долина муми-троллей.

ПЕРВАЯ ГЛАВА,

в которой я рассказываю о своем детстве, когда меня никто не понимал, о первом Приключении своей жизни и о потрясающей меня ночи бегства, а также описываю историческую встречу с Фредриксоном.

Это было давным-давно. Однажды, скучным и ветреным августовским вечером, на крыльце дома подкидышей муми-троллей была обнаружена обыкновенная хозяйственная сумка. В сумке, довольно небрежно завернутый в газетную бумагу, лежал некто иной, как я сам.

Насколько романтичней было бы, например, выстлать мхом маленькую хорошенькую корзиночку и положить меня туда!

Между тем Хемулиха, основавшая этот дом подкидышей, интересовалась астрологией (для домашнего употребления) и, что было вполне разумно с ее стороны, обратила внимание на звезды, ознаменовавшие

мое появление на этот свет. Они указывали на рождение совершенно незаурядного и высокоодаренного муми-тролля. Хемулиха, разумеется, тут же забеспокоилась, что хлопот со мной не оберешься (ведь в обыденной жизни от гениев — одни неприятности, но сам я, по крайней мере, от этого никаких неудобств не испытывал).

Удивительное дело — расположение звезд! Родись я на несколько часов раньше, я бы мог стать заядлым игроком в покер, а все те, кто родился на двадцать минут позже, почувствовали бы настоятельную необходимость вступить в Добровольный оркестр хемулей (папы и мамы должны быть очень осторожны, производя на свет детей, и я рекомендую каждому и каждой из них сделать предварительные и самые точные расчеты).

Одним словом, когда меня вынули из сумки, я трижды чихнул совершенно определенным образом. Уже одно это могло кое-что да значить!

Хемулиха, приложив печать к моему хвосту, заклеила меня магическим числом «тринадцать», поскольку до того у нее в доме уже обитало двенадцать подкидышей. Все они были одинаково серьезные, послушные и аккуратные, потому что Хемулиха,

к сожалению, чаще мыла их, нежели прижимала к сердцу (солидной ее натуре недоставало некоторой тонкости чувств).

Дорогие читатели!

Представьте себе дом муми-троллей, где все комнаты одинаково квадратные, выкрашенные в один-единственный коричневатопивной цвет и расположены все в строгом порядке: одна за другой! Вы говорите: не может быть! Вы утверждаете, что дом муми-троллей должен быть полон удивительнейших уголков и потайных комнат, лестниц, балкончиков и башен! Вы правы. Но только не дом подкидышей! Более того, в этом доме никому нельзя было вставать ночью, чтобы поесть, поболтать или прогуляться! Даже выйти по малой нужде было не так-то просто.

Мне нельзя было приносить с собой в дом маленьких зверюшек и держать их под кроватью! Я должен был есть и умываться в одно и то же время, а здороваясь, держать хвост под углом в сорок пять градусов. О, разве можно говорить об этом без слез?

Часто я останавливался перед маленьким зеркалом в прихожей и, обхватив мордочку лапками, глубоко заглядывал в собственные печальные голубые глазки, в которых пытался прочесть тайну своей жизни, и, вздыхая, произносил: «Один как перст. О жестокий

мир! О жалкий жребий мой!» И повторял эти горестные слова до тех пор, пока мне не становилось чуточку легче.

Я был одинок, как это часто бывает с муми-троллями, наделенными своеобразными дарованиями. Никто меня не понимал, а сам себя я понимал еще меньше. Разумеется, я сразу заметил разницу между собой и другими муми-троллями. Разница

эта состояла главным образом в их жалкой неспособности удивляться и изумляться.

Я же мог, например, спросить Хемулиху, почему все на свете так, как есть, а не иначе.

— Хорошенькая была бы тогда картинка, — отвечала мне Хемулиха. — А разве так, как сейчас, плохо?

Она никогда не давала мне вразумительных объяснений, и я все больше и больше убеждался в том, что ей попросту хотелось отвязаться от меня. Хемули никогда не задают вопросов: что? где? кто? как? Я же мог спросить Хемулиху:

— Почему я — это я, а не кто-нибудь другой?

— То, что ты — это ты, — несчастье для нас обоих! Ты умывался? — так обычно отвечала она на мои важные вопросы.

Но я продолжал:

— А почему вы, тетенька, — хемулиха, а не муми-троллиха?

— К счастью, и мама, и папа мои были хемулями, — отвечала она.

— А их папы и мамы? — не унимался я.

— Хемулями! — восклицала Хемулиха. — И их папы и мамы были хемулями, и папы и мамы этих хемулей — тоже хемулями и так далее и так далее! А теперь иди и умойся, а то я уже нервничаю.

— Как ужасно! Неужели этим хемулям так никогда и конца не будет? — спрашивал я. — Ведь были же когда-нибудь первые первые папа с мамой?

— Это было так давно, что нечего этим интересоваться, — сердилась Хемулиха. — И, собственно говоря, почему нам должен настать конец? (Смутное, но неотвязное предчувствие говорило мне, что цепочка пап и мам, имеющих отношение ко мне, была чем-то из ряда вон выходящим. Меня ничуть не удивило бы, если бы на моей пеленке была вышита королевская корона. Но — ах! — что можно прочесть на листе газетной бумаги?!)

Однажды ночью мне приснилось, что я поздоровался с Хемулихой неправильно, держа хвост под углом в семьдесят градусов. Я рассказал ей об этом и спросил, рассердилась она или нет?

— Сны — ерунда, — изрекла Хемулиха.

— Разве? — возразил я. — А может, тот муми-тролль, который мне приснился,

и есть настоящий, а муми-тролль, который находится здесь, просто приснился вам, тетенька?

— К сожалению, нет! Ты существуешь, и еще как! — устало сказала Хемулиха. — Я с тобой не справляюсь! У меня от тебя голова болит! Что будет с тобой в этом мире, где все делается не по-хемульски!

— Я стану знаменитым, — серьезно объяснил я. — И среди прочих дел построю дом для маленьких подкидышей-хемулят. И все они будут есть бутерброды с патокой в кровати, а под кроватью будут держать скунсов и ужей.

— На это хемулята никогда не согласятся, — сказала Хемулиха.

Мне казалось, что она, к сожалению, права.

Так и проходило мое детство. Я только и делал, что молча удивлялся и постоянно повторял свои вопросы: что? где? кто? как? Хемулиха и ее послушные подкидыши упорно избегали меня, от моих «что», «где», «кто», «как», «когда» и «почему» им становилось явно не по себе. И я одиноко бродил вокруг дома Хемулихи по пустынному, безлесному побережью, размышляя то о паутине, то о звездах, то о малявках

с загнутыми хвостиками, так и шнырявших кругом в лужах, а то и о ветре, который приносил отовсюду разные запахи (позднее я узнал: одаренный муми-тролль всегда поражается самым простым вещам, но не видит ничего удивительного в том, что кажется странным обычному муми-троллю). Да, печальное то было время!

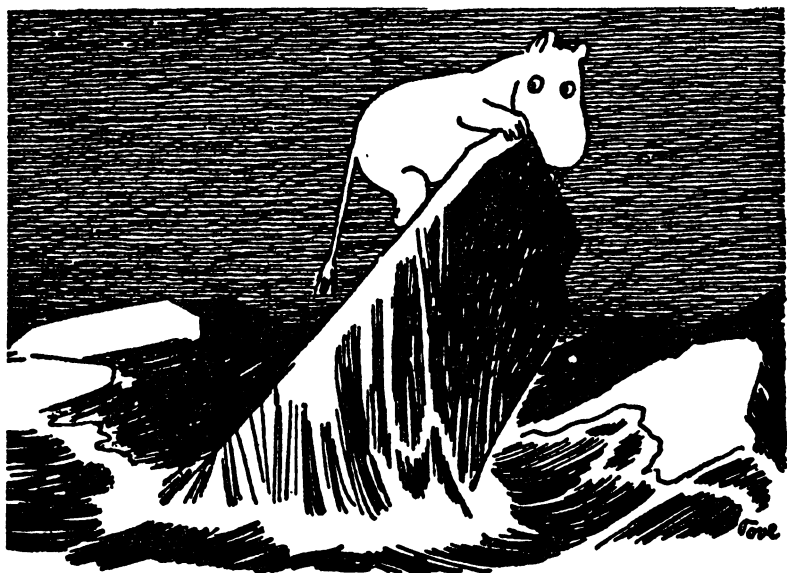
Но постепенно что-то изменилось во мне: я стал задумываться о форме моей собственной мордочки. Предоставив равнодушных Хемулиху и остальных муми-троллей их собственной судьбе, я начал все больше и больше думать о себе самом. И находил это занятие весьма увлекательным. Я перестал задавать вопросы. Зато я испытывал непреодолимое желание говорить о том, что я сам думал и чувствовал. Но — ах! — кроме меня, на свете не было никого, кому я был бы хоть сколько-нибудь интересен.

И вот пришла та самая весна, весна, такая важная для моего развития. Сначала я и думать не думал, что она пришла ради меня. Я слышал, как пищит, жужжит и бормочет, как пробуждается от зимней спячки все живое и торопится встретить весну. Я видел, как в разбитом по строгим

законам симметрии огородике Хемулихи растения набирали силу, а все, что пробивалось из земли, просто извивалось от нетерпения. А по ночам гудели свежие ветры. И пахло по-новому. Пахло переменами. Я прислушивался и принимался. Ноги мои болели от быстрого роста, но я по-прежнему не понимал, что все это происходило только ради меня.

Наконец однажды ветренным утром я почувствовал... да, я просто-напросто почувствовал, что вырос. Я пошел прямо вниз, к морю, которое Хемулиха терпеть не могла и поэтому строго-настрого запрещала ходить туда.

Там меня ожидало поразительное открытие. Я впервые увидел самого себя во весь рост. Блестящая льдина была гораздо больше зеркала в прихожей дома Хемулихи, и в ней отражалось весеннее небо с плывущими по нему тучками и весь я. Наконец-то я мог разглядеть свою мордочку с маленькими, хорошенькими, стоящими торчком ушками и все свое крепкое, хорошо сложенное туловище — до самых лапок. Единственное, что меня, по правде говоря, немного разочаровало, — это лапки, создававшие впечатление беспомощности и какой-то детскости. «Но, — подумал

я, — может, со временем это пройдет. Сила моя, вне всякого сомнения, — в голове. Что бы я ни делал, со мной никто не заскучает. И в глубину моей души никому не удастся заглянуть». Словно замороженный, разглядывал я свое отражение. И желая еще лучше рассмотреть себя, я растянулся животом на льду.

Но себя я так и не увидел. Подо мной была лишь зеленоватая, бездонная мгла, все глубже и глубже уходившая вниз. Там, в чуждом мне таинственном мире, отделенном от меня льдом, шевелились смутные тени. Они казались мне грозными и вместе

с тем необычайно манили к себе. Голова у меня закружилась, и мне почудилось, что я падаю... вниз... вниз... к чуждым мне теням...

Это было ужасно, и я снова подумал: «Неужели мне никогда не выбраться наверх? Неужели только все вниз, вниз и вниз?»

Глубоко взволнованный, я поднялся и топнул по льду, желая проверить, выдержит ли он меня. Лед выдержал. Тогда я топнул сильнее — и лед не выдержал.

Я вдруг по уши окунулся в зеленоватое холодное море, и лишь лапки мои беспомощно повисли над бездонной и опасной мглой.

По весеннему же небу по-прежнему спокойно проплывали тучи.

А вдруг одна из этих грозных теней в воде съест меня? А может, она откусит одно мое ушко, принесет его к себе домой и скажет своим детям:

— Съешьте его побыстрее! Это ухо настоящего маленького муми-тролля. Такое лакомство не каждый день перепадает.

А может, волна с бешеной скоростью вынесет меня на сушу, и Хемулиха, увидев меня с одним лишь ушком, опутанным водорослями, заплачет, станет каяться и говорить всем своим знакомым:

— Ах! Это был такой необыкновенный муми-троль! Жаль, что я этого вовремя не поняла...

В мыслях я успел уже добраться до собственных похорон, как вдруг почувствовал, что кто-то очень осторожно дергает меня за хвост. Каждый, у кого есть хвост, знает, как дорожишь этим редчайшим украшением и как мгновенно реагируешь, если хвосту угрожает опасность или какое-либо оскорбление. Я мигом очнулся от своих захватывающих мечтаний и преисполнился жаждой деятельности: я решительно выкарабкался на лед и перебрался на берег. И тут я сказал самому себе:

— Я пережил *Приключение*. *Первое Приключение* в моей жизни. Остаться у Хемулихи больше невозможно. Беру свою судьбу в собственные лапы!

Целый день меня знобило, но никто даже не спросил, что со мной. Это укрепило мое решение. Когда наступили сумерки, я разорвал свою простыню на длинные полосы и, связав их в одну веревку, укрепил веревку за рейку оконного переплета. Послушные подкидыши поглядывали на меня, но молчали, что меня сильно оскорбило. После вечернего чая я с величайшей добросовестностью составил свое прощаль-

ное письмо. Письмо было написано совсем просто, но в нем ощущалось глубокое внутреннее достоинство. Вот мое письмо:

«Дорогая Хемулиха!

Чувствую, что меня ожидают великие подвиги, а жизнь муми-тролля коротка. И потому я покидаю этот дом, прощайте, не печальтесь, я вернусь увенчанный славой!

Р. С. Я забираю с собой банку тыквенного пюре.

Привет! Привет! Желаю вам всего доброго.

*Муми-тролль,
который не похож на других».*

Итак, жребий брошен! Ведомый звездами своей судьбы, я отправился в путь, не подозревая об ожидавших меня удивительных событиях. Я был всего-навсего юный муми-тролль, печально бредущий по вересковой пустоши и вздрагивающий всякий раз, когда ужасные звуки ночи нарушали тишину горных теснин и мое одиночество чувствовалось острее.

Дойдя в своих мемуарах до этих событий, папа Муми-тролля почувствовал, что

воспоминания о несчастном детстве глубоко захватили его и он должен немного прийти в себя. Завинтив колпачок ручки, он подошел к окну. Над Муми-даленом царила полная тишина.

Один лишь ночной ветерок, прилетевший с севера, шелестел в саду, и веревочная лестница Муми-тролля качалась, словно маятник, у стены дома.

«Я бы и теперь мог сбежать, — подумал папа. — Не такой уж я и старый, о моем возрасте фактически и говорить нечего!»

Усмехнувшись, папа высунул в окно лапу и притянул к себе веревочную лестницу.

— Привет, папа! — произнес в соседнем окошке Муми-тролля. — Что ты делаешь?

— Зарядку, сын мой! — ответил папа. — Очень полезно! Шаг — вниз, два — вверх, шаг — вниз, два — вверх. Укрепляет мышцы.

— Только не свались! — предупредил Муми-тролля. — Как там твои мемуары?

— Прекрасно! — ответил папа и перебросил свои дрожащие ноги через подоконник. — В мемуарах я совсем недавно сбежал из дома подкидышей. Хемулиха плачет. Будет необыкновенно увлекательно.

— Когда ты прочитаешь нам свои мемуары? — спросил Муми-тролль.

— Скоро. Как только дойду до речного парохода, — сказал папа. — До чего весело читать вслух то, что сам написал.

— Ясное дело, — подтвердил, зевая, Муми-тролль. — Ну пока!

— Привет, привет! — отозвался папа и отвинтил колпачок ручки.

— Так. На чем я остановился... Ах да, я бежал, а утром... Нет, это позднее... Сначала я должен описать ночь бегства.

Всю ночь я брел по незнакомой, мрачной местности. Еще и теперь мне жаль себя! Я шел, не смея остановиться, не смея даже смотреть по сторонам. Кто знает, что может внезапно появиться во мраке! Я пытался петь утренний марш подкидышей: «Как не по-хемульски в этом мире...» Но голос мой дрожал так, словно хотел напугать меня еще больше. Ночь была непроглядная, туман, густой, как овсяный суп, которым кормила нас Хемулиха, наползал на пустошь, превращая кактусы и камни в бесформенные чудовища. Они надвигались на меня, простирали ко мне руки... О, как мне было жаль себя!

Даже неприятное общество Хемулихи на короткий миг показалось бы мне тогда утешением. Но вернуться назад — никогда! Да еще после такого великолепного прощального письма!

Наконец ночной мрак стал рассеиваться.

Всходило солнце. На моих глазах происходило нечто прекрасное. Туман зарделся, стал таким же розоватым, как вуаль воскресной шляпки Хемулихи. И мир вмиг преобразился, стал добрым и розово-багровым! Я застыл, наблюдая, как исчезает ночь; я совершенно забыл о ней, ведь наступило мое первое утро, мое личное, принадлежащее только мне утро!

Дорогой читатель!

Представь себе мою радость и торжество, когда я сорвал с хвоста ненавистную печать

и забросил ее подальше в вереск! А потом этим холодным, светлым весенним утром, подняв торчком свои хорошенькие ушки и задрав мордочку, я исполнил новый танец, танец свободного муми-тролля.

Подумать только! Не надо больше умыться, не надо есть только потому, что уже пять часов! Никогда ни перед кем, кроме короля, не вилять хвостом и не ночевать больше в этой квадратной коричневато-пивного цвета комнате! Долой хемулей!

Солнце выкатилось на небосвод, лучи его заискрились в паутине и мокрой листве, и сквозь редящий туман я увидел Дорогу. Извиваясь по вересковой пустоши, она вела прямо в большой мир, в мою новую жизнь, которая, как я считал, станет необыкновенно знаменитой, не похожей ни на какую другую.

Я достал тыквенное пюре — единственное, что у меня было, — съел его, а банку выбросил. Делать мне было нечего, да и делать что-либо по-старому, когда вокруг все абсолютно новое, было невозможно. Мне никогда не жилось так прекрасно.

В таком приподнятом настроении я пребывал лишь до вечера. Надвигающиеся сумерки меня ничуть не беспокоили — так я был полон самим собой и своей свободой. Напевая собственного сочинения песню, все до одного слова которой были значительны, — к сожалению, теперь она позабылась, — я двинулся прямо в ночь.

Ветер, обдавая меня каким-то неизвестным приятным запахом, мчался мне навстречу и наполнял меня ожиданием. Я не знал тогда, что это запах леса, аромат мха и папоротников, аромат тысячи огромных деревьев. Вконец утомившись, я свернулся клубочком на земле и поджал под живот свои холодные лапки. Может, мне все-таки не стоит основывать дом подкидышей для хемулят? Ведь их подкидывают не так уж часто. И вообще, кем мне лучше стать: искателем приключений или знаменитостью? Наконец, после некоторых раздумий, я решил стать знаменитым иска-

телем приключений. И, засыпая, подумал: уже завтра утром!

Проснувшись, я обнаружил, что нахожусь в новом, совершенно незнакомом зеленом мире. Ну и удивился же я! Ведь прежде я не видел ни одного лесного дерева. Головокружительной высоты, прямые, точно копья, они горделиво поддерживали свои зеленые своды. Освещенная солнцем, тихо и легко шелестела листва, а вокруг с радостными криками носились птицы. Чтобы собраться с мыслями, я немного постоял на голове, а потом громко закричал им:

— Доброе утро! Кто хозяин этих чудесных мест? Надеюсь, здесь нет хемуллей?

— У нас нет времени! Мы играем! — отвечали птицы, ныряя головой вниз в густую листву.

И тогда я пошел прямо в лес. Земля, одетая мхом, была теплой и очень мягкой, а листья папоротника отбрасывали на нее глубокую тень. Целые полчища никогда прежде не виданных мной ползающих и летающих букашек окружали меня, однако они были слишком маленькими, чтобы говорить с ними о серьезных делах. Под

конец я наткнулся на пожилую Ежиху, сидевшую в одиночестве и драившую ореховую скорлупу.

— Доброе утро! — поздоровался я. — Я одинокий беглец, рожденный при самом необыкновенном сочетании звезд.

— Вот как! — не проявляя особого интереса к моей особе, ответила Ежиха. — Я работаю. Из скорлупки выйдет мисочка для простокваши.

— Да-а! — протянул я и вдруг почувствовал, что хочу есть. — Кто же хозяин этих чудных мест?

— Никто! Все! — ответила, пожимая плечами, Ежиха.

— И я тоже? — спросил я.

— Пожалуй, — пробормотала Ежиха, полируя свою будущую мисочку для простокваши.

— Но, фру Ежиха, вы точно уверены, что хозяйка этих мест не какая-нибудь хемулиха? — продолжая беспокоиться, спросил я.

— Кто это? Кто это такая? — спросила Ежиха.

Подумать только, счастливица никогда в жизни не видела хемулихи.

— У них ужасно большие ноги и никакого чувства юмора, — объяснил я. — У них огромные, чуть приплюснутые морды,

а волосы растут беспорядочными клочьями. Хемулихи никогда не делают то, от чего бывает весело, а только то, что необходимо. И постоянно говорят вам о том, что бы они сами сделали, будь на вашем месте, и...

— О Боже! — воскликнула Ежиха и, попятившись, скрылась в зарослях папоротника.

«Ну и ладно, — слегка обидевшись, подумал я (ведь я мог значительно больше рассказать о хемулихах). — Раз у этих мест нет хозяина и они принадлежат всем, значит, и мне тоже. Что бы мне теперь такое предпринять?»

Идея, как это всегда со мной бывает, пришла внезапно. В голове у меня что-то щелкнуло! И все стало ясно. Если есть на свете муми-тролль и если есть свободные места, то совершенно точно: здесь будет Дом. Какая восхитительная мысль: дом, который я сам построю! Дом, хозяин которого — я один. Неподалеку я обнаружил и ручей, и зеленую полянку, казавшуюся очень подходящей для муми-тролля. В излучине ручья нашелся даже песчаный бережок.

Я взял щепку и стал чертить на песке свой будущий дом. Побольше уверенности! Я точно знал, каким должен быть дом муми-тролля: высоким, узким, украшенным

множеством балкончиков, лестниц и башенок. На верхнем этаже я построил три маленьких комнатки и чулан для всяких штук-чечек-дрючек, ну, сами знаете! Нижний же этаж целиком занимала большая шикарная гостиная. К ней я пристроил застекленную веранду, откуда мне предстояло, сидя в кресле-качалке, смотреть на бегущий мимо ручей. А на столике передо мной должен был стоять огромный стакан сока и рядом с ним возвышаться гора бутербродов. Перила веранды опирались на столбики с узором в виде сосновых шишек. Остроконечную крышу я украсил красивой деревянной луковицей и решил когда-нибудь в далеком будущем позолотить ее. Я долго размышлял над тем, как мне быть с традиционной печной дверцей, пережитком тех времен, когда все муми-тролли жили за печкой (пока кто-то не изобрел паровое отопление). В конце концов я решил отказаться от медной дверцы и вместо этого вывел большую печь в стенке гостиной.

Вообще весь дом благодаря печке казался каким-то необычайно уютным, а я был просто очарован моим собственным прекрасным произведением, поднимавшимся на рисунке с непостижимой быстротой. Должно быть, тут проявились мои врожденные

способности, а также талант, рассудительность и самокритичность. Но так как никогда не следует хвалить то, что создано тобою, я просто дал вам описание этого дома.

Внезапно мне стало холодно. Тень от папоротников росла, росла и мало-помалу накрыла весь лес; вечерело.

От усталости и голода у меня закружилась голова, и я только и думал о Ежихиной мисочке для простокваши. К тому же у нее дома могла случайно заваляться краска, которой можно будет позолотить купод в виде луковицы на крыше будущего дома мумитроллей, и, устало передвигая одеревеневшие ноги, я побрел по темнеющему лесу.

Ежиха мыла посуду.

— Подумать только! — воскликнула она при виде меня. — Он снова здесь! Только ни слова о хемулях!

Махнув лапкой, я ответил:

— Хемули, любезная фру, для меня теперь — ничто! Я построил дом! Скромный двухэтажный дом! Я очень счастлив, но очень устал, а прежде всего — ужасно голоден! Я привык есть в пять часов. И мне надо бы немного золотой краски для луковицы на...

— Вот оно что! Золотой краски! — с кислой миной перебила меня Ежиха. — Ты явился как раз, когда я мою посуду. Све-

жая простокваша еще не готова, а вчерашнюю я съела.

— Ну и ладно, — ответил я. — Одной мисочкой простокваши больше, одной меньше — не так уж важно для искателя приключений. Но я прошу вас, любезная фру, оставьте посуду и взгляните на мой новый дом!

Ежиха подозрительно посмотрела на меня, вздохнула и вытерла лапки полотенцем.

— Так и быть, — сказала она. — Придется потом снова воду подогревать. Где этот дом? Далеко отсюда?

Я пошел вперед, но всю дорогу от внезапно охватившего меня дурного предчувствия у меня дрожали ноги.

— Ну-у? — спросила Ежиха, когда мы приблизились к ручью.

— Любезная фру, — осторожно начал я, показывая на дом, который начертил на песке. — Вот таким я представляю его себе... Перила веранды опираются на столбики с узором в виде сосновых шишек. То есть, если вы, фру, одолжите мне лобзик...

Я был совершенно сбит с толку.

Дорогой читатель, вы поймете, я так вжился в мечту об этом доме, что уверился, будто он в самом деле уже построен! Это, конечно, свидетельствует о богатстве моей

фантазии — необычайной особенности, которая в будущем отметит мою жизнь и жизнь моих близких.

Ежиха долго смотрела на меня; потом наконец что-то пробормотала (к счастью, слов я не разобрал) и отправилась восвояси — мыть посуду.

Я залез в ручей и, ни о чем не думая, побрел в прохладной воде. Ручей тек причудливо и неспешно, как обычно текут ручьи. Местами он был такой мелкий и прозрачный, что на дне его просматривался каждый камешек, а когда углублялся, становился темнее и спокойнее. Яркое багровое солнце стояло низко на горизонте, его лучи, просвечивавшие среди сосновых стволов, били мне прямо в глаза, и я, ослепленный, брел все дальше и дальше.

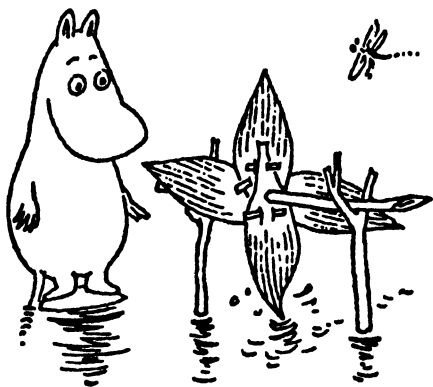
Наконец в голове у меня опять щелкнуло. Если бы я и в самом деле построил дом вот на этом красивом лужке, поросшем цветами, то весь лужок был бы испорчен, не так ли?

Дом следовало бы построить рядом, а рядом с лужком места для постройки не было, понятно? И подумать только, что я стал бы домовладельцем! Разве домовладелец может быть одновременно искателем приключений?

«Не может!» — следовало бы мне сказать.

Дальше, подумать только! Если бы я на всю свою жизнь обзавелся такой соседкой, как Ежиха! Скорее всего, она из обширного ежового рода, который, видимо, такого же нрава, как и она сама! Стало быть, я избежал целых трех больших бед и должен испытывать чувство глубокого удовлетворения.

Теперь, задним числом, я рассматриваю постройку дома как свой первый большой жизненный *Опыт*, имевший величайшее значение для моего дальнейшего развития.

Одним словом, сохраняя свободу и самоуважение, я мог брести по ручью и дальше, но мысли мои были прерваны каким-то веселым коротеньким звуком. Посреди ручья стрекотало красивое водяное колесо,

сделанное из колышков и лопастей. Я о-
становился в удивлении. И тут же услышал,
как кто-то говорит:

— Это эксперимент. Счетчик оборотов.

Я приоткрыл глаза и увидел, что из чер-
ничника высовывается пара длинных-пре-
длинных ушей.

— С кем имею честь? — спросил я.

— Фредриксон, — ответил обладатель
длинных ушей. — А ты сам кто?

— Муми-троль, — ответил я. — Бег-
лец, рожденный при самом необыкновен-
ном сочетании звезд.

— Каком-каком? — спросил Фред-
риксон с заметным интересом.

И я очень этому обрадовался, потому
что впервые услышал разумный интелли-
гентный вопрос.

Я вылез из ручья и, сев рядом с Фред-
риксоном, стал рассказывать ему о всех
знаках и предзнаменованиях, сопровож-
давших мое появление на свет. Он ни
разу не прервал меня, слушая мой рассказ
о красивой маленькой корзиночке и газет-
ной бумаге, в которой якобы меня нашла
Хемулиха, и о моем ужасном детстве в
ее ужасном доме, где меня никто не по-
нимал. И о *Приключении* на весеннем
льду...

Поскольку в рассказе всегда надо сосредоточиваться на самом главном, историю с домом и Ежихой я опустил, зато подробно описал мое драматическое бегство и ужасное странствие по вересковой пустоши. А под конец объяснил Фредриксону, что решил стать искателем приключений.

Когда я умолк, Фредриксон, слушавший меня очень внимательно и изредка, в нужных

местах, помахивавший ушами, долго думал и наконец сказал:

— Удивительно! До чего удивительно!

— Конечно! — с благодарностью произнес я.

— А хемули просто отвратительны, — заявил Фредриксон и, рассеянно вытащив из кармана пакет с бутербродами, отдал мне половину, пояснив: — Ветчина!

Потом мы с ним немного посидели, глядя, как заходит солнце.

За время моей долголетней дружбы с Фредриксоном я не раз удивлялся тому, как он может успокаивать и убеждать, не произнося сколько-нибудь значительных и громких слов. Хотя это может показаться странным, я все-таки намерен продолжить свой рассказ.

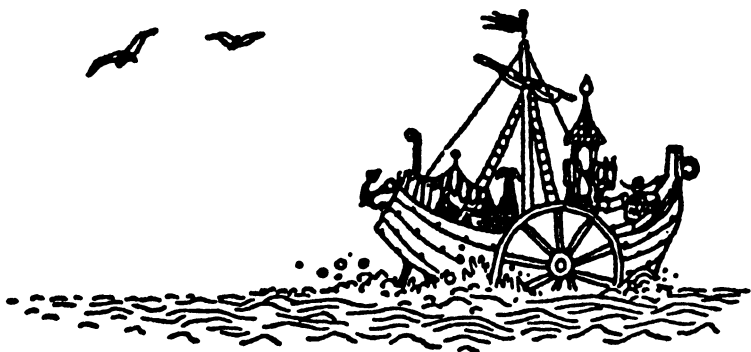
К моему вящему удовольствию, день кончился чудесно, и я рекомендую каждому, у кого беспокойно на душе, посмотреть на искусно сделанное водяное колесо, которое стрекочет посреди ручья.

Искусству изготавливать такие колеса я научил позднее моего сына Муми-тролля. (Это делается так: вырезают два маленьких колышка и втыкают их в песчаное дно ручья на некотором расстоянии друг от друга. Затем находят четыре длинных листа

и протыкают их прутиком, чтобы они вместе составили что-то вроде звездочки. Эту несложную конструкцию укрепляют двумя тоненькими веточками. Под конец прутики с листочками осторожно кладут на распорки, и водяное колесо начинает вертеться.)

Когда в лесу совсем стемнело, мы с Фредриксоном вернулись на мой зеленый лужок и легли спать. Мы провели ночь на веранде моего дома, хотя Фредриксон об этом и не подозревал. Во всяком случае мне стало совершенно ясно, какой будет узор у столбиков перил (в виде сосновых шишек), я знал, как надо сконструировать лестницу, ведущую на верхний этаж. Я был уверен в том, что дом готов. И мне больше не надо было думать об этом.

Единственное же, что имело значение: я нашел своего первого друга и таким образом для меня началась настоящая жизнь.

ВТОРАЯ ГЛАВА,

где я ввожу в свои мемуары зверька по имени Шнырёк и Юксаре, представляю читателям дронта Эдварда и даю яркое описание речного парохода «Морской оркестр» и его несравненной команды.

В то утро, проснувшись, я увидел, что Фредриксон закидывает в ручей сеть.

— Привет! — поздоровался я. — Здесь водится рыба?

— Нет! — ответил Фредриксон. — Это — подарок ко дню рождения.

Реплика была совершенно в духе Фредриксона. Он просто хотел сказать, что рыболовную сеть получил в подарок от племянника, который сам сплел ее и очень огорчился бы, если бы сеть не побывала в

воде. Слово за слово, и я узнал, что племянника зовут Шнырёк* и что родители его погибли во время генеральной уборки. Этот зверек жил теперь в банке из-под кофе, ну, той, что голубого цвета, и коллекционировал, главным образом, пуговицы. Рассказ Фредриксона не отнял много времени, а, впрочем, может, и отнял?! Но сам Фредриксон никогда и не поведал бы больше за один раз.

Затем он поманил меня легким движением уха и повел в лес. Когда мы подошли к кофейной банке Шнырька, Фредриксон вытащил кедровый свисток с горошиной внутри и трижды свистнул. Крышка от банки моментально отскочила, оттуда выпрыгнул Шнырёк и кинулся к нам.

— Доброе утро! — с нескрываемой радостью закричал он. — Вот здорово! Как раз сегодня ты и собирався устроить мне большой сюрприз? Кто это с тобой? Какая честь для меня! Жаль, что я не успел еще прибраться в банке...

— Не смущайся! — сказал Фредриксон. — Это Муми-тролль.

* Маленький зверек, который *шныряет*, то есть необыкновенно торопливо и легкомысленно снует туда-сюда, опрокидывая и теряя по пути все, что можно (прим. авт.).

— Здравствуйте! Добро пожаловать! — закричал Шнырёк. — Я сейчас... Извините, мне надо взять с собой кое-какие вещи...

Он исчез в своей банке, и мы слышали, как отчаянно он там роется. Через некоторое время Шнырёк снова появился с фанерным ящичком под мышкой, и дальше мы пошли уже втроем.

— Племянник! — произнес вдруг Фредриксон. — Ты умеешь писать красками и рисовать?

— Ещё бы! — воскликнул Шнырёк. — Однажды я нарисовал карточки всем моим кузинам! Каждой по карточке, с указанием места за праздничным столом. Может, и тебе надо нарисовать такую глянцевую шикарную карточку? Или написать какие-нибудь изречения? Извини, но что именно тебе нужно? Это связано с твоим сюрпризом?

— Это тайна, — ответил Фредриксон.

Тут Шнырёк так разволновался, что начал подпрыгивать; шнурок, которым был завязан ящичек, развязался, и на поросшую мхом землю вывалилось все его имущество: медные спиральки, резиновая подвязка, сережки, двойные розетки, сушеные лягушки, ножи для сыра, окурки сигарет, масса пуговиц и среди прочего открывалка для минеральной воды.

— У меня был такой хороший шнурок, но он потерялся! Извините! — пропищал Шнырёк.

— Ничего, ничего, — успокоил Шнырька Фредриксон, складывая все снова в ящичек.

Потом он вынул из кармана обрывок веревки, перевязал ящичек, и мы пошли дальше. Поглядев на уши Фредриксона, я понял, что он переполнен своей тайной и очень волнуется. Наконец мы остановились возле зарослей орешника, и Фредриксон, повернувшись, серьезно посмотрел на нас.

— Твой сюрприз там? — благоговейно прошептал Шнырёк.

Фредриксон кивнул. Мы торжественно пробрались сквозь заросли и очутились на поляне. Посреди поляны стоял пароход, большой пароход! Широкий и устойчивый, такой же надежный и крепкий, как сам Фредриксон.

Я ничего не знал о пароходе, но меня тут же охватило какое-то мгновенное, доселе мне неизвестное сильное чувство, можно сказать, возникла идея парохода; мое сердце — сердце искателя приключений — гулко забилося, и на меня повеяло дыханием свободы. Я представил, как Фредриксон мечтал об этом пароходе, мысленно видел,

как он чертил его, как шел каждое утро на поляну, чтобы его построить.

Должно быть, он занимался этим уже давно, но никому об этом не рассказывал, даже Шнырьку, и, опечалившись, я чуть слышно спросил:

— Как ты называл пароход?

— «Морской оркестр», — ответил Фредриксон. — Так назывался сборник стихотворений моего брата. Слова будут написаны небесно-голубой краской.

Брат Фредриксона

— И это можно сделать мне, да? — прошептал Шнырёк. — Это правда? Клянешься хвостом? Извини, а что, если я выкрашу весь пароход в красный цвет? Можно? Тебе это понравится?

Фредриксон кивнул, только предупредил, чтобы племянник не закрасил ватерлинию.

— У меня как раз есть большая банка красной краски! — радостно затараторил Шнырёк. Он так волновался, что у него дрожали усы. — И маленькая банка небесно-голубой!.. Какая удача! Вот здорово! А сейчас мне надо домой, приготовить вам завтрак и прибраться в банке... — И он тут же исчез.

Я снова посмотрел на пароход и сказал Фредриксону:

— Какой ты молодец!

Тут Фредриксон разговорился. Он говорил очень много, и все больше о конструкции своего парохода. Потом вытащил бумагу и перо и стал показывать на чертеже, как будут работать колеса. Я не все понимал, но видел: Фредриксон чем-то огорчен. Кажется, у него что-то не ладилось с рулем.

Я очень ему сочувствовал, но полностью разделить его переживаний не мог, — ах, вопреки всему, есть несколько областей, где мой талант не проявлялся так, как этого хотелось бы. И одна из этих областей — машиноведение. Меня больше заинтересовал маленький домик с остроконечной крышей, который поднимался в самом центре парохода.

— Ты живешь в этом домике? — спросил я. — Он похож на беседку для мумитроллей.

— Это навигационная каюта, — чуть недовольно заметил Фредриксон.

И я погрузился в свои мысли. Домик был слишком обыкновенный. На мой вкус, окна можно было сделать куда интересней. На капитанском мостике были бы уместны легкие поручни с выпиленными на них фигурками обитателей моря. А крышу надо было бы украсить деревянной луковицей, которую, пожалуй, можно было позолотить...

Я отворил дверь каюты. Кто-то лежал на полу и спал, прикрывшись шляпой.

— Это кто — ваш знакомый? — удивленно спросил я у Фредриксона.

Заглянув через мое плечо, Фредриксон сказал:

— Юксаре.

Я стал его рассматривать. Мягкий, странного, пожалуй, светло-каштанового цвета, Юксаре выглядел каким-то неопрятным. Шляпа на нем была очень старая, цветы, некогда украшавшие ее, давно завяли. Казалось, что Юксаре давно не умывался и даже не любил это делать.

Тут примчался Шнырёк и заорал:

— Кушать подано!

Юксаре проснулся от крика, потянулся, словно кот, и, зевнув, сказал:

— Хупп-хэфф!

— Позволь, а ты что делаешь на пароходе Фредриксона? — грозно спросил Шнырёк. — Разве ты не видел, что там написано «Вход запрещен»?

— Конечно, видел, — невозмутимо ответил Юксаре. — Вот поэтому-то я здесь.

В этом был весь Юксаре. Любая запрещающая что-то табличка, запертая дверь, даже просто стена тут же выводили его из сонливого состояния, в котором он находился. Стоило ему увидеть сторожа в парке, как усы его начинали дрожать, и тогда от него можно было ожидать самого неожиданного. А в промежутках он, как уже говорилось, спал, или ел, или мечтал. Сейчас Юксаре главным образом был настроен поест. Мы направились к банке Шнырька, где на выдавшей виды шахматной доске красовался остывший омлет.

— Утром я приготовил очень хороший пудинг, — стал объяснять Шнырёк. — Но, к сожалению, он исчез. А это так называемый «ленивый» омлет!

Омлет был подан на крышках от банок, и, пока мы его ели, Шнырёк выжидающе смотрел на нас. Фредриксон жевал долго и старательно, и вид у него был довольно странный. Наконец он сказал:

— Племянник, мне попало что-то твердое!

— Твердое?! — удивился Шнырёк. — Должно быть, это из моей коллекции... Выплюнь! Выплюнь скореей!

Фредриксон выплюнул, и мы увидели на его крышке от банки два черных зубчатых предмета.

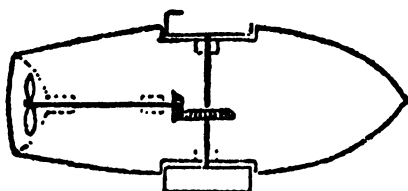
— Извини меня! — воскликнул его племянник. — Это всего-навсего мои шестеренки! Хорошо, что ты их не проглотил!

Но Фредриксон не отвечал. Сморщив лоб, он долго глядел вдаль. И тогда Шнырёк заплакал.

— Попробуй все же извинить своего племянника, — сказал Юксаре. — Видишь, как он расстроен.

— Извинить? — воскликнул Фредриксон. — За что же?!

Он тут же вытащил бумагу и перо и стал показывать нам, куда надо поместить шестеренки, чтобы заставить крутиться винт с лопастями и лопаточные колеса. (Надеюсь, вы понимаете, что начертил Фредриксон.)

— Подумать только! — закричал Шнырёк. — Мои шестеренки пригодились для изобретения Фредриксона! Непостижимо!

Мы закончили обед в хорошем настроении.

Воодушевленный этим происшествием, племянник Фредриксона надел свой самый большой передник и тут же принялся красить «Морской оркестр» в красный цвет. Шнырёк так старался, что и пароход, и земля, и изрядная часть орешника стали

красными. А такого перемазанного в красный цвет зверька, как Шнырёк, мне в жизни видеть не приходилось. Название же парохода было выведено небесно-голубой краской.

Когда все было готово, Фредриксон пришел взглянуть на работу племянника.

— Ну как, красиво? — взволнованно воскликнул Шнырёк. — Я очень старался.

Я вложил всю свою душу, всего себя в эту работу.

— Оно и видно, — буркнул Фредрик-сон, поглядев на перепачканного с головы до ног племянника. Он посмотрел также на криво начерченную ватерлинию и хмыкнул: — Хм!

Затем, взглянув на название парохода, снова хмыкнул:

— Хм! Хм!

— Я неправильно написал? — забеспокоился Шнырёк. — Скажи что-нибудь, а не то я снова заплачу! Извини! «Морской оркестр» — такие трудные слова!

— «М-о-р-з-с-к-о-й а-р-к-е-с-т-р», — прочитал вслух Фредриксон и, еще немного подумав, сказал: — Успокойся. Сойдет.

Шнырек вздохнул с облегчением и остатками краски докрасил кофейную банку.

А вечером Фредриксон пошел проверять сеть в ручье. Представьте себе наше удивление, когда мы обнаружили в сети маленький нактоуз*, а в нем — aneroid**.

* Ящик со стеклянной крышкой для компаса, стоящий на палубе корабля.

** Металлический барометр, измеряющий атмосферное давление.

Я никогда не переставал удивляться нашим поразительным находкам.

Папа закрыл тетрадь и выжидающе взглянул на своих слушателей.

— Ну как, нравится? — спросил он.

— По-моему, это будет необыкновенно интересная книга, — серьезно сказал Муми-тролль.

Он лежал на спине в сиреневой беседке и смотрел на пчел; было тепло, стояло полное безветрие.

— Но кое-что ты, наверно, выдумал, — заметил Снифф.

— Нет! — воскликнул Муми-папа. — В те времена и в самом деле случались такие вещи! Каждое мое слово — правда! Возможно, только кое-где чуточку *преувеличено*...

— Любопытно знать, — сказал Снифф. — Любопытно знать, куда подевалась папина коллекция?!

— Какая коллекция? — спросил Муми-папа.

— Коллекция пуговиц моего отца, — повторил Снифф. — Ведь Шнырёк — мой папа.

— Да, — подтвердил Муми-папа.

— Тогда любопытно знать, куда девалась его драгоценная коллекция? Я ведь

должен был получить ее в наследство, — подчеркнул Снифф.

— Хупп-хэфф — как говорил мой отец, — сказал Снусмумрик. — Кстати, почему ты так мало пишешь о Юксаре? Где он сейчас?

— Об отцах никогда ничего точно не знаешь, — сделав какой-то неопределенный жест, объяснил Муми-папа. — Они приходят и уходят... Во всяком случае, я сохранил ваших отцов для потомства, написав о них.

Снифф фыркнул.

— Юксаре тоже терпеть не мог сторожей в парке, — задумчиво произнес Снусмумрик. — Одно это...

Они лежали на траве, вытянув лапы и подставив солнцу свои мордочки. Вокруг было чудесно, и всех клонило ко сну.

— Папа, — сказал Муми-троль. — Неужели в то время так неестественно разговаривали? «Представьте себе наше удивление», «К вящему удовольствию» и все такое.

— Это вовсе не неестественно! — рассердился папа. — По-твоему, когда сочинишь, можно говорить небрежно?

— Иногда ты и в жизни говоришь неестественно, — возразил сын. — А Шнырёк у тебя разговаривает обычно.

— Фу! — сказал папа. — Это просто местное наречие. Вообще, есть большая разница между тем, что рассказываешь о каких-то вещах, и тем, что о них думаешь... И кроме того, все это больше зависит от того, что чувствуешь... По-моему... — Папа замолчал и начал озабоченно перелистывать мемуары. — По-вашему, я употребил чересчур трудные слова? — спросил он.

— Ничего, — утешил его Мумитроль. — Хотя это было так давно, можно все равно почти всегда угадать, что ты имеешь в виду. А дальше ты уже написал?

— Нет еще, — ответил папа. — Но потом будет жутко интересно. Я скоро дойду до дронта Эдварда и Морры. Где ручка, которой я пишу мемуары?

— Вот, — сказал Снусмумрик. — И напиши побольше об Юксаре, слышишь? Ничего не упуская!

Муми-папа кивнул, положил тетрадь на траву и стал писать дальше.

Именно тогда я впервые приистрастился к резьбе по дереву. Это особое дарование было, должно быть, врожденным и тайлось, если можно так выразиться, у меня в лапах. Первые мои шаги на этом поприще были довольно робкими. На корабельной верфи

я подобрал подходящий кусок дерева, нашел нож и начал вырезать гордый купол, который позднее украсит крышу навигационной каюты. Он имел форму луковицы и был покрыт нарядной рыбьей чешуей.

Фредриксон, к сожалению, ни слова не сказал об этой важной детали в оснастке судна. Он уже ни о чем не мог думать, кроме как о спуске парохода на воду.

«Морской оркестр», на который приятно было смотреть, готовился к старту. На своих четырех резиновых шинах, которые должны были выручать его на коварных песчаных отмелях, пароход ярко пламенел под лучами солнца. Фредриксон раздобыл себе капитанскую фуражку с золотым шнуром.

Забравшись под киль, он вдруг расстроено пробормотал:

— Так я и думал. Застрял! Мы стоим здесь, пока не взойдет луна.

Обычно немногословный, Фредриксон стал без устали говорить что-то и ползать вокруг парохода — верный признак, что он серьезно обеспокоен.

— Ага, ну теперь скоро опять в путь, — зевнул Юксаре. — Хупп-хэфф! Ну и жизнь! Менять курс, переезжать с места на место придется с утра до вечера. Такая бурная жизнь к добру не приведет.

Стоит только подумать о тех, кто трудится и корпит над своей работой и чем все кончается, сразу падаешь духом. У меня был родственник, который учил тригонометрию до тех пор, пока у него не обвисли усы, а когда он все выучил, явилась какая-то морра и съела его. Да, и после он лежал в морровом брюхе, такой умненький!

Речи Юксаре невольно заставляют вспомнить о Снусмумрике, который позже родился под той же вселяющей лень звездой. Таинственный папаша Снусмумрика никогда не огорчился из-за того, что действительно было достойно огорчения, и не заботился о том, чтобы оставить след в памяти потомков (туда, как уже говорилось, он не попал бы вообще, если бы я не захватил его в свои мемуары). Как бы там ни было, Юксаре снова зевнул и спросил:

— Когда мы отчаливаем, хупп-хэфф?

— И ты с нами? — спросил я.

— Конечно, — ответил Юксаре.

— Если позволите, — сказал Шнырёк, — я тоже надумал кое-что в этом роде... Я больше не могу жить в кофейной банке!

— Почему? — спросил я.

— Эта красная краска на жести не высыхает! — объяснил Шнырёк. — Извините! Она попадает всюду — и в еду, и в

постель, и на усы... Я сойду с ума, Фредриксон, я сойду с ума!

— Не сходи. Лучше упакуй вещи, — сказал Фредриксон.

— Конечно! — воскликнул Шнырёк. — Мне надо о многом подумать! Такое долгое путешествие... совсем новая жизнь...

И он побежал, да так быстро, что красная краска брызнула во все стороны.

По-моему, решил я, наша команда более чем ненадежна.

«Морской оркестр» по-прежнему сидел крепко, резиновые шины глубоко зарылись в землю, и пароход ни на дюйм не мог сдвинуться с места. Мы изрыли всю корабельную верфь (то есть лесную поляну), но все напрасно. Фредриксон опустил на землю и обхватил голову лапами.

— Милый Фредриксон, не горюй так, — попросил я.

— Я не горюю. Я думаю, — отвечал Фредриксон. — Пароход застрял. Его нельзя спустить на воду... Значит, надо реку подвести к пароходу. Каким образом? Строить новый канал? Запруду? А как? Таскать камни?..

— А как? — услужливо повторил я.

— Идея! — вдруг так громко воскликнул Фредриксон, что я подпрыгнул. — Где

дронт Эдвард? Ему надо сесть в реку, чтобы она вышла из берегов.

— У него *такой* огромный хвост? — спросил я.

— Гораздо больше, чем ты думаешь, — отрезал Фредриксон. — У тебя есть календарь?

— Нет, — сказал я, все больше и больше воодушевляясь.

— Так. Позавчера мы ели гороховый суп*, — размышлял вслух Фредриксон. — Значит, сегодня суббота, он купается. Хорошо. Поспешим!

— А они злые, эти дронты? — осторожно спросил я, когда мы спускались к речному берегу.

— Да, — ответил Фредриксон. — Растопчут кого-нибудь нечаянно, а потом неделю рыдают. И оплачивают похороны.

— Не очень большое утешение, если тебя растопчут, — пробормотал я, почувствовав себя необычайно храбрым. Я спрашиваю вас, дорогой читатель: трудно ли быть храбрым, если вообще ничего не боишься?

Внезапно остановившись, Фредриксон сказал:

* В Скандинавии и Финляндии гороховый суп едят по четвергам.

— Здесь.

— Где? — удивился я. — Он живет в этой башне?

— Тише. Это не башня, а его ноги, — объяснил Фредриксон. — Сейчас я его позову. — И закричал во весь голос: — Эй-эй, там, наверху! Эдвард! Внизу я — Фредриксон! Где ты нынче купаешься?

Будто громовой раскат прокатился высоко над нами:

— Как всегда, в озере, песчаная ты блоха!

— Купайся в реке! Там песчаное дно! Мягкое и уютное! — прокричал Фредриксон.

— Это все выдумки, — ответил дронт Эдвард. — Самые крошечные малявки знают, что эта моррова река жутко засорена камнями!

— Нет! — настаивал Фредриксон. — В ней песчаное дно!

Дронт что-то тихо пробормотал, а потом согласился:

— Хорошо. Я выкупаюсь в твоей морровой реке. Морра тебя возьми, у меня больше нет денег на похороны. И если ты обманываешь меня, тля ты этакая, сам плати за них! Ты ведь знаешь, какие у меня чувствительные ноги, а уж какой нежный хвост, и говорить нечего!

— Беги! — только и шепнул мне Фредриксон.

И мы понеслись. Никогда в жизни я не бегал так быстро. И я все время представлял, как дронг Эдвард садится на острые камни

своим огромным задом, и его страшный гнев, и гигантскую речную волну, которую он, несомненно, поднимет. И вся эта картина казалась мне такой грозной и опасной, что я потерял всякую надежду на спасение.

Вдруг раздался рев, от которого шерсть встала дыбом на затылке, — это в лес с грохотом хлынула речная волна.

— Все на борт! — закричал Фредриксон.

Мы ринулись на корабельную верфь, преследуемые по пятам речной волной, и,

перекинув хвосты через перила, наткнулись на спящего на палубе Юксаре. И в тот же миг нас накрыло шипящей белой пеной. «Морской оркестр» затрещал, застонав, словно от испуга.

Но тут же, вырвавшись из мшистого плена, пароход гордо и стремительно помчался по лесу. Пришли в движение корабельные лопасти, весело вращался гребной винт, действовали наши шестеренки! Став к рулю, Фредриксон твердой лапой уверенно повел нас между древесных стволов.

То был ни с чем не сравнимый спуск судна на воду. Цветы и листья дождем сыпались на палубу, и украшенный, точно в праздник, «Морской оркестр» совершил

последний триумфальный прыжок вниз, в реку. Весело плеща, пароход поплыл прямо к речному фарватеру.

— Следите за рекой! — приказал Фредриксон (он хотел как раз проехать по дну, чтобы испытать свою конструкцию шарниров).

Я усердно смотрел по сторонам, но, кроме подпрыгивавшей где-то впереди на волнах красной банки, ничего не видел.

— Интересно, что это за банка? — спросил я.

— Она мне кое-что напоминает, — ответил на мой вопрос Юксаре. — Меня не удивит, если там внутри сидит небезызвестный всем Шнырёк.

Я обернулся к Фредриксону и сказал:

— Ты забыл своего племянника!

— Да как же я мог? — удивился Фредриксон.

Теперь мы уже видели, что из банки высовывается мокрая красная мордочка Шнырька. Шнырёк размахивал лапками и от волнения все туже затягивал на шее галстук.

Перегнувшись через перила, мы с Юксаре выловили кофейную банку, по-прежнему липкую от краски и довольно тяжелую.

— Не запачкайте палубу, — предупредил Фредриксон, когда мы втаскивали

банку вместе со Шнырьком на борт. — Как поживаешь, дорогой племянник?

— Я чуть с ума не сошел! Подумать только! Упаковываю вещи, а тут наводнение... Все вверх дном! Я потерял свой самый лучший оконный крючок и, кажется, стержень, которым прочищают трубки. Мои нервы и все мои вещи перемешались. Ой! Что только будет?

И Шнырёк, с известным удовлетворением, начал по новой системе приводить в порядок свою коллекцию пуговиц. Между тем колеса «Морского оркестра» с тихим плеском скользили все дальше по реке.

Я сел рядом с Фредриксоном и сказал: — Надеюсь, мы никогда больше не встретимся с дронтом Эдвардом. Как ты думаешь, он ужасно зол на нас?

— Ясное дело, — ответил Фредриксон.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА,

**в которой я запечатлел свой первый
славный подвиг — спасение утопающей,
его трагические последствия, некоторые
свои мысли, а также дал описание
повадок клиндассов.**

Зеленый приветливый лес остался позади. Все вокруг нас стало огромным и невиданным. По крутым склонам берегов с ревом и фырканием рыскали неведомые страшные животные. К счастью, на борту нашего парохода было двое таких, на которых можно было положиться: я и Фредриксон. Юксаре ничего не принимал всерьез, а интересы Шнырька не простира-

лись дальше его банки из-под кофе. Мы поставили ее на баке*, и она мало-помалу стала просыхать на солнце. Но самого Шнырька нам так никогда и не удалось отмыть дочиста, и он навсегда приобрел слабый розоватый оттенок.

Конечно, у Фредриксона нашлась на борту золотая краска — меня бы удивило, если бы у него не оказалось такой жизненно необходимой вещи, — и мы украсили наш пароход моей золоченой луковицей.

Пароход медленно продвигался вперед. Я чаще всего сидел в навигационной каюте и, слегка пощелкивая по анероиду, с некоторым удивлением смотрел, как проплывают мимо берега. Иногда я выходил на капитанский мостик и бродил там в раздумье.

Особенно нравилось мне думать о том, как поражена была бы Хемулиха, если б могла видеть меня, равноправного совладельца речного парохода, искателя приключений. По правде говоря, так ей и надо!

Однажды вечером мы вошли в глубокий, пустынный залив.

— Не по душе мне этот залив, — заявил Юксаре. — Его вид вызывает Предчувствия.

* Носовая часть верхней палубы (мор.).

— Предчувствия! — как-то странно произнес Фредриксон. — Племянник! Бросить якорь!

— Сейчас, сию минуту! — крикнул Шнырёк и почему-то швырнул за борт огромную кастрюлю.

— Ты выбросил наш обед? — спросил я его.

— Какое несчастье! — воскликнул Шнырёк. — Извините! В спешке так легко ошибиться! Я был ужасно взволнован... Ничего, вместо обеда получите желе — если только я его найду...

Все, что сейчас произошло, было в духе таких, как Шнырёк.

А Юксаре, стоя у перил, блестящими глазами смотрел на берег. Сумерки быстро опускались на гребни гор, которые ровными пустынными волнами уходили к горизонту.

— Ну, как там твои Предчувствия? — спросил я.

— Тише! — прошептал Юксаре. — Я что-то слышу...

Я наострил уши, но услышал лишь, как слабый прибрежный ветер свистит в мачтах «Морского оркестра».

— Ничего, кроме ветра, — сказал я. — Пойдем, зажжем керосиновую лампу.

— Я нашел желе! — закричал вдруг Шнырёк и выскочил из банки с мисочкой в лапках.

И вот тут-то вечернюю тишину прорезал одинокий протяжный и дикий вой, от которого шерсть на затылке встала у всех дыбом. Шнырёк даже вскрикнул и выронил мисочку на палубу.

— Это Морра, — сказал Юксаре. — Нынче ночью она поет свою песню.

— Она умеет плавать? — спросил я.

— Этого никто не знает, — ответил Фредриксон.

Морра охотилась в горах. Она страшно выла, и более дикого воя мне слышать никогда не приходилось. Вот вой стал стихать, потом вдруг приблизился к нам — и наконец исчез...

Наступившая тишина была еще ужаснее. Мне показалось, что в свете восходящего месяца я вижу тень Морры, летящей над землей.

Потянуло холодом.

— Смотрите! — воскликнул Юксаре.

Кто-то примчался галопом на берег и стал в отчаянии метаться по нему.

— Вот этого, — мрачно изрек Фредриксон, — сейчас съедят.

— Но не на глазах у Муми-тролля! — воскликнул я. — Я спасу его!

— Не успеешь, — предупредил Фред-риксон.

Но я уже решился. Я влез на перила и торжественно произнес:

— Могилу безвестного искателя приключений не украшают венками, но вы хотя бы поставьте мне гранитный памятник с изображением двух плачущих хемулих!

С этими словами я бросился в черную воду и нырнул под кастрюлю Шнырька. Кастрюля булькнула:

— Бам!

С достойным восхищения самообладанием вывалил я из кастрюли жаркое. Затем быстро поплыл к берегу, подталкивая кастрюлю мордочкой.

— Наберитесь мужества! — кричал я. — К вам плывет Муми-тролля! Где это видано,

чтобы морры безнаказанно поедали кого им вздумается?!

На вершине горного склона глухо прогрохотали камни. Возобновившаяся было охотничья песнь Морры снова смолкла, слышалось лишь жаркое пыхтение — все ближе, ближе, ближе...

— Прыгай в кастрюлю! — крикнул я несчастной жертве.

И тут же что-то плюхнулось на дно кастрюли, и она до самых ручек погрузилась в воду. Кто-то цеплялся в темноте за мой хвост... Я отдернул его... Ха! Славный подвиг! Герой-одиночка! Я начал историческое отступление к пароходу «Морской оркестр», где в тревожном ожидании томились мои друзья.

Спасенный был тяжел, очень тяжел.

Я плыл со скоростью ветра, применяя вращательные движения хвостом и ритмические движения живота. Под жалобный вой Морры, которая, стоя в одиночестве на берегу, выла от голода и злобы (плавать она не умела), я переплыл пролив, взобрался на борт, сполз на палубу и, тяжело дыша, вытряхнул спасенного из кастрюли.

Фредриксон зажег керосиновую лампу — поглядеть, кого я спас.

Я абсолютно уверен, что этот миг был одним из самых страшных во времена моей бурной молодости: передо мной на мокрой палубе сидела не кто иная, как Хемулиха! Как говорили в те времена — живая картина!

Я спас Хемулиху!

В первую минуту, испугавшись, я поднял хвост под углом в сорок пять градусов, но, вспомнив, что я вольный муми-тролль, беззаботно сказал:

— Привет! Вот это да! Вот так неожиданность! Никогда бы не подумал!

— Не подумал бы о чем? — спросила Хемулиха, выбирая куски жаркого из своего зонтика.

— Не подумал бы о том, что спасу вас, тетенька! — взволнованно произнес я. — То есть что вы, тетенька, будете спасены мной. Получили ли вы, тетенька, мое прощальное письмо?

— Я тебе не тетенька, — устало сказала Хемулиха. — И никакого письма я вообще не получала. Ты, наверно, не наклеил на конверт марку. Или написал неправильный адрес. Или забыл отправить письмо по почте. Если ты вообще умеешь писать... — И, поправив шляпку, снисходительно добавила: — Но зато ты умеешь плавать!

— Вы знакомы? — осторожно спросил Юксаре.

— Нет, — сказала Хемулиха. — Я тет-ка той Хемулихи. — И вдруг спросила: — Кто это расплескал желе по всему полу? Эй, ты, ушастый, подай-ка мне тряпку, я приберу.

Фредриксон (потому что имелся в виду он) бросился за тряпкой и принес пижаму Юксаре.

— Я ужасно сердита, — объяснила тет-ка Хемулихи, вытирая пижамой палубу. — А в таких случаях единственное, что помогает, — уборка.

Мы молча стояли за ее спиной.

— Ну, не говорил я разве, что у меня *Предчувствия*? — пробормотал наконец Юксаре.

Тут тетка Хемулихи повернула к нему свою некрасивую морду и сказала:

— Молчать! Ты слишком мал, чтобы курить. Тебе надо пить молоко — это полезно, и тогда лапы не будут дрожать, морда не пожелтеет, а хвост не облысеет. — И, обращаясь к нам, добавила: — Повезло вам, что меня спасли. Теперь я наведу здесь порядок!

— Взгляну на анероид! — заторопился вдруг Фредриксон и, юркнув в навигационную комнату, запер за собой дверь.

Но анероид, в страхе перед теткой Хемулихи, стал показывать давление на 40 делений ниже. Показания анероида не изменились, пока не кончилась история с клипдассами. Но об этом я расскажу ниже.

У нас уже не осталось ни малейшей надежды избавиться от тетки Хемулихи, присутствия которой на корабле, по моему глубокому убеждению, никто из нас не заслужил.

— Ну вот, я написал до сих пор, — обычным своим тоном произнес Муми-папа, выглядывая из-за своих мемуаров.

— Знаешь что, — сказал Муми-тролль, — я начинаю привыкать к тому, что ты вдруг употребляешь неожиданные слова. Да и эта кастрюля, должно быть, была ужасно большая... А когда ты кончишь книгу, мы разбогатеем?

— Ужасно разбогатеем, — серьезно ответил Муми-папа.

— Тогда, я думаю, мы все поделим между собой, — решил Снифф. — Ведь ты же вывел моего папу — Шнырька — как героя этой книги?

— А я все время считал, что герой книги — Юксаре, — сказал Снусмумрик. — Подумать только, так поздно узнать, какой у тебя был замечательный папа! И до чего приятно, что он похож на меня.

— Ваши несчастные папочки — только фон! — закричал Муми-тролль, слегка пнув Сниффа. — Вы должны радоваться, что они вообще попали в книгу!

— Ты почему пнул меня? — заорал Снифф, ошетилив усы.

— Что вы делаете? — спросила Муми-мама, выглянув из гостиной. — Вы чем-то расстроены?

— Папа читает вслух про свою жизнь, — объяснил Муми-тролль (подчеркнув слово «свою»).

— Ну и как, нравится? — спросила мама.

— Захватывающе! — ответил ее сын.

— Ты совершенно прав, — поддержала его мама и сказала, обращаясь к папе: — Не читай только того, что может дать малышам неправильное представление об их родителях. Говори вместо этого: «многоотчие»... Дать тебе трубку?

— Не разрешай ему курить! — завопил Снифф. — Тетка Хемулихи говорила, что от курения начинают дрожать лапы, желтеет морда и лысеет хвост!

— Ну-ну, не огорчайся! — успокоила малыша Муми-мама. — Муми-папа курил всю свою жизнь и не пожелтел, не облысел, да и лапы у него не дрожат...

Она зажгла трубку папы, отворила окно и, напевая, вышла на кухню — сварить кофе.

В открытое окно веранды ворвался с моря вечерний прохладный ветерок.

— Как вы могли забыть Шнырька, когда спускали пароход на воду? — упрекнул Муми-папу Снифф. — Навел он когда-нибудь порядок в своей коллекции пуговиц?

— Разумеется, он не раз наводил потом порядок, — ответил папа. — Он все время изобретал новую систему для своей коллек-

ции. Раскладывал пуговицы по цвету или по величине, по форме или по материалу, а то и в зависимости от того, насколько они ему нравились.

— Вот здорово! — мечтательно произнес Снифф.

— Меня лично огорчает то, что моему папе измазали всю пижаму этим желе, — заметил Снусмумрик. — В чем же он потом спал?

— В моих пижамах, — ответил Муми-папа, пуская большие клубы дыма к потолку.

Снифф зевнул.

— Может, на летучих мышей поохотимся? — предложил он.

— Давайте! — поддержал его Снусмумрик.

— Пока, папа! — сказал Муми-тролль.

Оставшись один, Муми-папа взял ручку и, немного поразмыслив, снова принялся писать о своей молодости.

На следующее утро тетка Хемулихи проснулась в зверски хорошем настроении. Разбудив нас в *шесть* часов, она громко протрубила:

— Доброе утро! Доброе утро! Доброе утро! Возьмемся за дело! Сначала небольшое

состязание — будем штопать носки: я только что заглянула в ваши ящики. Затем в награду несколько воспитательных игр. Это так полезно. А что у нас сегодня для укрепления здоровья?

— Кофе, — сказал Шнырёк.

— *Каша*, — сказала тетка. — Кофе пьют только в старости и еще когда страдают трясучкой.

— А я знаю одного, который умер от каши, — пробормотал Юксаре. — Она попала ему в горло, и он подавился.

— Любопытно, что сказали бы ваши папы и мамы, если бы видели, как вы пьете кофе, — заметила тетка Хемулихи. — Они бы заплакали. И вообще, как обстоит дело с вашим воспитанием? Вы *воспитаны* или нет? А может, вы так и родились трудно-воспитуемыми?

— Я родился при самом необыкновенном сочетании звезд, — воспользовавшись случаем, вставил я. — Меня нашли в маленькой ракушке, дно которой было выстлано бархатом!

— Не желаю, чтобы меня воспитывали, — очень отчетливо произнес Фредриксон. — Я — изобретатель и делаю что хочу.

— Извините, — воскликнул Шнырёк, — но мои папа и мама вообще не

плачут! Они погибли во время генеральной уборки!

— Ха! — сказал Юксаре, с угрожающим видом набивая свою трубку. — Терпеть не могу *распоряжений*. Они напоминают мне о стороже в парке.

Тетка Хемулихи долго нас рассматривала и после этого медленно протянула:

— С этого дня заботиться о вас буду я!

— Тетенька, не надо! — закричали мы хором.

Но она, покачав головой, твердым голосом произнесла:

— Это мой нехемульский *Долг*.

После этих страшных слов она исчезла, без сомнения, для того, чтобы выдумать еще какую-нибудь новую воспитательную чертовщину.

Невероятно жалея друг друга, мы заползли в палатку на корме.

— Клянусь моим хвостом — никогда и никого больше не буду спасать в темноте! — воскликнул я.

— Правильно, — сказал Юксаре. — Эта тетка способна почти на все. В любой момент она может швырнуть мою трубку за борт или запрячь меня в работу! Она может придумать все что угодно!

— Может, вернется Морра, — с надеждой в голосе прошептал Шнырёк. — Или кто-нибудь другой, кто будет так добр и съест ее? Извините! Я нехорошо сказал?

— Пожалуй, — ответил Фредриксон и немного погодя добавил: — Но в этом что-то есть.

Мы погрузились в молчание, глубоко соболезнуя самим себе.

— Скорее бы стать взрослым! — разразился я наконец. — Взрослым и знаменитым! Тогда можно будет запросто справиться с этой теткой.

— А как стать знаменитым? — спросил Шнырёк.

— По-моему, довольно легко, — ответил я. — Нужно только сделать то, чего никто другой до тебя не додумался... Или что-то старое на новый лад...

— Что, например? — спросил Юксаре.

— Например, летающий речной пароход, — пробормотал Фредриксон, и его маленькие глазки засветились удивительным блеском.

— Не думаю, что быть знаменитым приятно, — сказал Юксаре. — Может, только в самом начале, а потом это кажется совершенно обычным; под конец же от этого ста-

новится просто худо: точь-в-точь как бывает, когда долго катаешься на карусели.

— А что это такое? — спросил я.

— Машина, — ответил оживленно Фредриксон. — Вот так она работает. — И он достал ручку и бумагу.

Меня никогда не переставала удивлять такая глубокая, феноменальная преданность Фредриксона машинам. Они околдовали его. Я же, наоборот, ничего в них не находил. Водяное колесо — это еще куда ни шло, но даже обыкновенная застежка-молния вызывает у меня недоверие. Юксаре знал одного, у которого брюки застегивались на молнию. И вот однажды эту молнию заело, и она никогда больше не открывалась. Вот ужас!

Как раз когда я собирался поделиться с другими своими размышлениями о застежках-молниях, мы услышали какой-то очень странный звук. Он напоминал глухое и отдаленное лязганье жестяной трубы. И, несомненно, нас очень насторожил.

Фредриксон выглянул из палатки и мрачно произнес лишь одно-единственное слово:

— *Клипдассы!*

Здесь, может быть, уместно кое-что объяснить (большую часть, конечно, каждая разумная личность поймет, но на всякий

случай). Пока мы собирались с духом в палатке, течение тихо вынесло «Морской оркестр» в дельту реки, населенной клипдассами. Клипдассы — общительные животные, которые ненавидят одиночество. Под речным дном они вырывают клыками каналы и образуют там, внизу, целые колонии. У клипдассов есть щупальца, которые оставляют после себя чуть клейкий след, поэтому многие называют их клейкдассами или клейклапами.

Клипдассы чаще всего милы, но они беспрерывно грызут и кусают все подряд, что только попадаете им на глаза, тем более, если никогда прежде этого не видели. Кроме того, у клипдассов есть одна неприятная особенность: случается, что они откусывают чужой нос, если им кажется, что нос этот слишком велик. Поэтому мы (по легко объяснимым причинам) очень беспокоились о последствиях.

— Сиди в банке! — крикнул Фредриксон племяннику.

«Морской оркестр» неподвижно стоял в целом море клипдассов. Угрожающе размахивая бакенбардами, они разглядывали нас своими круглыми голубыми глазками.

— Расступитесь, будьте так добры, — попросил Фредриксон.

Но клипдассы только теснее смыкали кольцо вокруг речного парохода, а некоторые из них начали вползать на борт. Когда первый из них показался над перилами, за навигационной каютой появилась тетка Хемулихи.

— В чем дело? — завопила она. — Это еще что за типы? Им вход абсолютно запрещен, я не могу допустить, чтобы они помешали нашим воспитательным играм!

— Не пугай их! Они рассердятся, — предупредил Фредриксон.

— Это я рассердилась! Вон! Вон отсюда! Прочь! — закричала тетка Хемулихи и принялась колотить клипдассов — тех, что поближе к ней, — по голове.

Клипдассы тотчас обратили свои взгляды на тетку Хемулихи и стали пристально рассматривать ее морду. После этого затихнувшее было на некоторое время глухое лязганье возобновилось с новой силой.

И тут... Все произошло с невероятной быстротой. Тысячи кишащих на палубе клипдассов вдруг ринулись через перила в воду, унося на своих спинах, будто на живом ковре, тетку Хемулихи. Дико крича и размахивая зонтиком, тетка Хемулихи перевалилась через поручни, и вся компания отправилась навстречу неведомой судьбе.

Снова все стало тихо и мирно. «Морской оркестр» поплыл дальше, словно ничего и не произошло.

— М-да... — протянул Юксаре и обратился ко мне: — Ты не собираешься снова ее спасти?

Рыцарские чувства призывали меня тотчас поспешить на выручку тетке Хемулихи, но мои дурные врожденные наклонности подсказывали: это ни к чему. И я пробормотал, что, дескать, уже слишком поздно. (Так оно, впрочем, и было.)

— Ага! — неуверенно произнес Фредриксон.

— Вот и конец ей, — заметил Юксаре.

— Печальная история, — сказал я.

— Извините! Это я виноват? — откровенно спросил Шнырёк. — Я ведь надеялся, что кто-нибудь сжалится над нами и съест ее. Это очень дурно, что мы ни капельки не расстраиваемся?

Никто не ответил.

Я не спрашиваю вас, дорогие читатели, что бы вы сделали в таком щекотливом положении.

Ведь я уже спас эту тетку один раз, а морры и вправду куда хуже, чем клипдасы, которые, вообще-то говоря, довольно добрые... Может, это для тетки Хемулихи только небольшая перемена обстановки? А может, с мордой поменьше вид у нее будет более приятный? Как вы думаете?

Что бы там ни было, по-прежнему светило солнце, а мы драили палубу (она стала совсем клейкой от щупальцев клипдассов) и не переставая пили хороший крепкий черный кофе. «Морской оркестр» продолжал скользить среди сотен мелких островков.

— Им когда-нибудь будет конец? — спросил я. — Куда мы приплывем потом?

— Куда-нибудь... или так... никуда, — произнес Юксаре, набивая трубку. — И зачем? Ведь нам и здесь хорошо.

Не буду отрицать, что нам было хорошо, но я стремился дальше! Мне хотелось

чего-нибудь нового. Что угодно, но только пусть что-нибудь случится (конечно, кроме нашествия хемулей).

У меня было ужасное ощущение, что все великие приключения непрерывно случаются, сменяя друг друга, где-то там, где меня не было. То были яркие, пестрые приключения, которые никогда больше не повторятся. Я торопился, ужасно торопился! Стоя на носу, я нетерпеливо вглядывался в будущее, осваивая истины, приобретенные в результате Опыта. Их было пока семь, и вот каких:

1. Следи за тем, чтобы дети муми-троллей рождались в благоприятный с точки зрения астрологии момент, и обеспечь им романтическое вступление в мир. (Положительный пример: мой талант. Отрицательный: хозяйственная сумка.)

2. Не рассказывай о хемулях тем, кто торопится. (Положительный пример: Фредриксон. Отрицательный: Ежиха.)

3. Никогда не знаешь, что может попасть в сеть! (Положительный пример: нактоуз и анероид Фредриксона.)

4. Никогда не крась вещи только потому, что у тебя осталась краска. (Отрицательный пример: банка Шнырька.)

5. Не бойся никого, если даже это кто-то очень большой. (Положительный пример: дронг Эдвард.)

6. Будь храбрым, даже если ты маленький. (Положительный пример: я.)

7. Избегай спасать кого-нибудь в темноте! (Отрицательный пример: тетка Хемулихи.)

Пока я обдумывал все эти значительные истины, пароход миновал последний островок. Сердце внезапно подскочило у меня в груди, и я воскликнул:

— Фредриксон! Впереди — море!

Наконец это *что-то* случилось! Прямо передо мной расстиралось сверкающее, лазурное, сказочное море!

— Оно слишком большое! — сказал Шнырёк и заполз в свою банку. — Извините, но у меня болят глаза, и я не знаю, что и думать!

— Зато оно голубое и мягкое! — закричал Юксаре. — Давайте поплывем туда и будем только спать, качаясь на волнах, и никогда никуда больше не придем...

— Как хатифнатты? — спросил Фредриксон.

— Кто, кто? — поинтересовался я.

— Как хатифнатты, — повторил Фредриксон. — Они только и знают, что плыть да плыть... Нет им покоя.

— Вот именно, — радостно заметил Юксаре. — А я ужасно спокоен! И я люблю спать. А хатифнатты никогда не спят, они спать не могут. Они не могут даже говорить, они только стремятся доплыть до горизонта.

— И удалось это кому-нибудь из них? — полюбопытствовал я.

— Этого никто не знает, — ответил, пожав плечами, Юксаре.

Мы стали на якорь у скалистого берега. Даже сегодня мурашки пробегают у меня по спине, когда я шепчу про себя: «Мы стали на якорь у скалистого берега...» Впервые в жизни видел я рыжие скалы и прозрачных медуз — это удивительно маленькие, похожие на прозрачные зонтики существа, способные дышать и двигаться.

Мы вышли на берег — собирать ракушки.

Хоть Фредриксон и уверял, он, мол, сошел на берег, чтобы изучить место стоянки судна, что-то подсказывало мне: и он втайне заинтересовался ракушками. Прибреж-

ные скалы перемежались с песчаными бережками, и представьте себе, как обрадовался Шнырёк, обнаружив, что каждый камешек на этих бережках был совершенно гладкий и круглый, как мячик, или вытянутый, как яйцо. Переполненный несравненным счастьем коллекционера, Шнырёк сбегал за кастрюлей и стал без усталости складывать туда ракушки. Вода была такой чистой и прозрачной, что под ее зеленоватой толщей просматривалось волнистое песчаное дно, а скалы были теплыми от солнца. Ветер улегся, и на горизонте не было ничего, кроме беспредельной светлой и прозрачной водной глади.

Да и весь мир казался мне тогда огромным и беспредельным, а все маленькое виделось более приятным, чем сейчас, и как нельзя лучше соответствовало мне. Если вам понятно, что я имею в виду.

Но как раз в эту минуту мне в голову пришла новая мысль, которая кажется мне важной. Любовь муми-троллей к морю, должно быть, врожденная, и я с удовольствием вижу, как она пробуждается и в моем сыне.

Но, дорогой читатель, согласись, что суша вызывает у нас еще более сильное восхищение.

Когда плывешь по морю, горизонт кажется бесконечным и неколебимым. Нормальные же муми-тролли любят все пе-

ременчивое и причудливое, неожиданное и своеобразное: берег, который вместе с тем и земля и вода, солнечный заход, который и мрак и свет, и весну, которая и холод и тепло.

Но вот снова наступили сумерки. Они опускались совсем бесшумно, сгущаясь медленно и осторожно, чтобы у дня хватило времени лечь спать. Розоватый западный край неба с разбросанными по небу маленькими тучками был похож на взбитые сливки, и все это отражалось в воде. Море было блестящим, как зеркало, и не предвещало никакой опасности.

— Видел ты когда-нибудь тучу близко? — спросил я Фредриксона.

— Да, — ответил он. — В книге.

— Мне кажется, она похожа на небесный мох, — заметил Юксаре.

Мы сидели на склоне горы. Приятно пахло водорослями и чем-то еще, может быть, морем. Я чувствовал себя счастливым и даже не боялся, что это чувство исчезнет.

— Ты счастлив? — спросил я у Фредриксона.

— Здесь хорошо, — смущенно пробормотал Фредриксон (и я понял, что он тоже счастлив).

И тут мы увидели целую флотилию маленьких лодок, плывущих в море. Легкие, как бабочки, скользили они по своему собственному отражению в воде. В лодках, тесно прижавшись друг к другу, молча сидели какие-то серовато-белые существа. Их было очень много, и они неотрывно глядели в море.

— Хатифнатты, — произнес Фредриксон. — Плынут с помощью электричества.

— Хатифнатты, — взволнованно прошептал я. — Те, что только и знают плыть да плыть и никогда никуда не приплывают...

— Они заряжаются во время грозы, — сказал Фредриксон. — Жгут, как крапива.

— И еще они ведут порочный образ жизни, — просветил товарищей Фредриксон.

— Порочный образ жизни? — заинтересовавшись, спросил я. — Что это значит?

— Точно не знаю. Наверно, топчут чужие огороды и пьют пиво.

Мы долго глядели на хатифнаттов, уплывавших навстречу бесконечному горизонту. И у меня зародилось странное желание по-

следовать за ними в их тайное путешествие и тоже вести порочный образ жизни. Но я ничего об этом не сказал.

— Ну а завтра мы выйдем в открытое море? — внезапно спросил Юксаре.

Фредриксон взглянул на «Морской оркестр».

— Это же речной теплоход, — с задумчивым видом сказал он. — Ходит на водяных колесах. Без парусов...

— Мы сыграем в орлянку, — сказал, поднявшись, Юксаре. — Шнырёк, давай сюда пуговицу!

Шнырёк, собиравший ракушки в прибрежной воде, пулей выскочил на берег и начал высыпать на скалу содержимое своих карманов.

— Одной пуговицы хватит, дорогой племянник!

— Пожалуйста! — обрадовался Шнырёк. — Какую лучше, с двумя или с четырьмя дырочками? Костяную, плюшевую, деревянную, стеклянную, металлическую или перламутровую? Однотонную, пеструю, в крапинку, полосатую или клетчатую? Круглую, овальную, вогнутую, выпуклую, восьмиугольную или...

— Можно обыкновенную брючную пуговицу, — сказал Юксаре, — я бросаю. —

И он закричал: — Орел — выплываем в море! Ну что?

— Дырочки сверху, — объяснил Шнырёк и прижался носом к пуговице, чтобы получше разглядеть ее в сумерках.

— Ну! — сказал я. — Как она лежит?

В этот миг Шнырёк махнул усами, и пуговица соскользнула в горную расселину.

— Ай! Извините! — воскликнул Шнырёк. — Хотите другую?

— Нет, — сказал Юксаре. — В орла или решку можно играть лишь один раз. Теперь же будь что будет, а я хочу спать.

Мы провели довольно неприятную ночь на борту парохода. Одеяло на моей койке было неприятно клейким, словно измазанное патокой, дверные ручки — липкими; зубными щетками, домашними туфлями и вахтенным журналом Фредриксона пользоваться было нельзя!

— Племянник! — с упреком сказал он. — Это называется ты сегодня убирал?

— Извините! — воскликнул Шнырёк. — Я вовсе не убирал!

— И в табаке полно грязи, — проворчал Юксаре, любивший курить в постели.

В общем, все было очень неприятно. Однако мало-помалу мы успокоились и свер-

нулись клубочками на менее клейких местах. Но всю ночь нам мешали странные звуки, которые, казалось, доносились из навигационной каюты.

Меня разбудил какой-то необычный и зловеющий звон пароходного колокола.

— Вставайте! Вставайте и посмотрите! — кричал за дверью Шнырёк. — Кругом вода! Как величественно и пустынно! А я забыл на берегу самую лучшую свою тряпочку, которой вытирают перья! Вот и лежит там моя промокашка совсем одна...

Мы выскочили на палубу. «Морской оркестр» как ни в чем не бывало плыл по морю, лопастные колеса вертелись спокойно и уверенно, и было в этом какое-то таинственное очарование.

Даже сегодня я не могу понять, как двум шестеренкам удалось придать пароходу такой плавный и быстрый ход, возможный, вероятно, в реке, но совершенно необъяснимый и таинственный в море. Однако любые предположения здесь все равно бесплодны. Если хатифнатт может передвигаться с помощью собственной наэлектризованности (которую некоторые называют тоской или беспокойством), то никого не должно удивлять, что корабль

справляется с помощью двух шестеренок. Ну ладно, я оставляю эту тему и перехожу к Фредриксону, который, нахмутив лоб, разглядывал обрывок якорного каната.

— Как я зол, — сказал он. — Просто страшно зол. Никогда я так не злился. Его *изгрызли!*

Мы переглянулись.

— Ты ведь знаешь, какие у меня мелкие зубы, — сказал я.

— А я слишком ленив, чтобы перегрызть такой толстый канат, — заметил Юксаре.

— Я тоже не виноват! — завопил Шнырёк, оправдываться которому было совсем ни к чему. Во всяком случае, никто никогда не слышал, чтобы он говорил неправду, даже если речь шла о его пуговичной коллекции (что достойно удивления, ведь он был настоящим коллекционером). Видно, у такого зверька было слишком мало фантазии.

И тут мы услышали легкое покашливание, а повернувшись, увидели очень маленького Клипдасса. Он сидел под солнечным тентом и шурился.

— Вот как, — сказал Фредриксон. — *Вот как?*! — с ударением повторил он.

— У меня режутся зубки, — смущенно объяснил маленький Клипдасс. — Мне просто необходимо что-нибудь грызть.

— Но почему именно якорный канат? — спросил Фредриксон.

— Я подумал, что он очень старый и не страшно, если я его перегрызу, — ответил Клипдасс.

— А что ты делаешь на борту? — спросил я.

— Не знаю, — откровенно ответил Клипдасс. — Иногда меня осеняют разные идеи.

— А где же ты спрятался? — удивился Юксаре.

И тогда Клипдасс не по годам умно ответил:

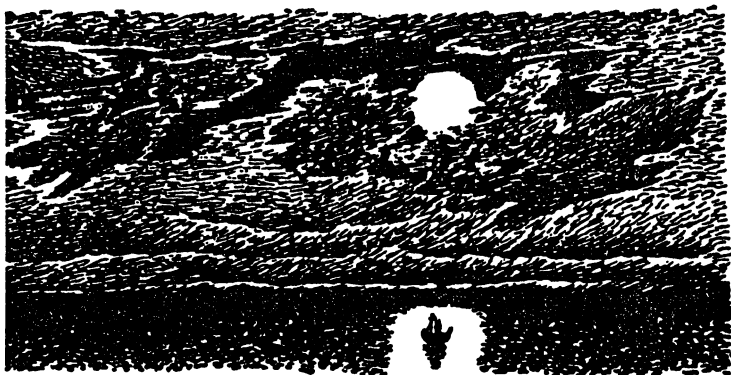
— В вашей чудесной навигационной каюте!

(Точно, навигационная каюта оказалась тоже клейкой.)

— Послушай-ка, Клипдасс, что, по твоему, скажет твоя мама, когда увидит, что ты сбежал? — спросил я.

— Наверное, будет плакать, — ответил Клипдасс, заканчивая эту удивительную беседу.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА,

**в которой мое морское путешествие достигает
своей кульминации в великолепном описании
шторма и заканчивается полной
неожиданностью.**

«Морской оркестр» одиноко плыл по морю. Солнечные, усыпляющие голубовато-прозрачные дни следовали один за другим. Скопища морских призраков беспорядочно мелькали перед штевнем нашего судна, и мы сыпали овсяную крупу на хвосты плывущих в кильватере русалок. Порой, когда ночь спускалась над морем, мне нравилось сменять Фредриксона у руля. Озаренная лунным светом палуба, которая то тихо

вздыхалась, то опускалась, тишина и бегущие волны, тучи и мерцающая линия горизонта — все вместе вызывало в моей душе приятное и волнующее чувство. Я казался себе очень значительным, хоть и очень маленьким (но, главным образом, конечно же, значительным).

Иногда я видел, как мерцает в темноте трубка, и на корму, крадучись и шлепая лапами, перебирается и садится рядом со мной Юксаре.

— Признайся, чудесно ничего не делать, — сказал он однажды ночью, выбивая трубку о поручни парохода.

— Но мы же делаем! — ответил я. — Я веду пароход, а ты куришь.

— Куда ты только нас приведешь? — заметил Юксаре.

— Это дело другое, — заметил я, потому что уже тогда был склонен к логическому мышлению. — Но ведь мы говорили о том, чтобы *делать* какие-то вещи, а не о том, что делают вообще. У тебя сейчас снова *Предчувствия*? — беспокойно добавил я.

— Нет, — зевнул Юксаре. — Хупп-хэфф! Мне совершенно все равно, куда мы плывем. Все края одинаково хороши. Пока, спокойной ночи!

— Привет, привет! — сказал я.

Когда на рассвете Фредриксон сменил меня у руля, я мельком упомянул об удивительном и полном безразличии Юксаре к окружающему.

— Гм! — произнес Фредриксон. — А может, наоборот, его интересует все на свете? Спокойно и в меру. Нас всех интересует только одно. Ты хочешь кем-то стать. Я хочу что-то создавать. Мой племянник хочет что-то иметь. Но только Юксаре, пожалуй, живет по-настоящему.

— Подумаешь, живет! Это всякий может, — сказал я.

Фредриксон только хмыкнул в ответ и, как обычно, тут же исчез со своей записной книжкой, в которой чертил удивительные конструкции машин, похожие на паутину и летучих мышей.

А я думал: «На свете есть столько интересного, аж шерсть встает дыбом, когда вспоминаешь об этом...»

Одним словом, в полдень Шнырёк предложил послать телеграмму маме маленького Клипдасса.

— У нас нет адреса. Нет телеграфной конторы, — сказал Фредриксон.

— Ну конечно! — воскликнул Шнырёк. — Подумать только, какой же я глу-

пый! Извините! — И он снова смущенно залез к себе в банку.

— Что такое телеграфная контора? — спросил Клипдасс, живший в банке вместе со Шнырьком. — Ее можно съесть?

— Меня не спрашивай! — ответил Шнырёк. — Это что-то огромное и непонятное. Посылают в путь на другой конец света маленькие значки... и там они становятся словами!

— А как это посылают? — спросил Клипдасс.

— По воздуху... — неопределенно пояснил Шнырёк, помахав лапками. — И ни одно слово по дороге не теряется!

— Ого! — удивился Клипдасс. После этого он весь день вертел головой, высматривая телеграфные знаки в воздухе.

Около трех часов Клипдасс увидел большую тучу. Белоснежная, пушистая, она низко-низко плыла над землей, и вид у нее был не совсем обычный.

— Точь-в-точь как из книжки с картинками, — заметил Фредриксон.

— А ты читал книжки с картинками? — удивленно спросил я.

— Ясное дело, — ответил он. — Одна называлась «Путешествие по океану».

Проплыв мимо нас с наветренной стороны, туча остановилась, и вдруг произошло нечто совершенно удивительное, чтобы не сказать — ужасное: она повернула назад и начала нас преследовать!

— Извините, а туча не опасна? — спросил Шнырёк.

Никто из нас ничего не мог об этом сказать. Туча плыла теперь у нас в кильватере; увеличив скорость, она перевалилась через поручни и мягко плюхнулась на палубу, почти совсем накрыв собой банку Шнырька. Потом она поудобнее устроилась между поручнями, сжалась, и, клянуся хвостом, эта удивительная туча тут же попросту заснула у нас на глазах!

— Ты когда-нибудь видел что-либо подобное? — спросил я у Фредриксона.

— Никогда, — уверенно и очень неодобрительно отозвался он.

Клипдасс, подойдя к туче, лизнул ее и сказал, что на вкус она такая же, как мамина карандашная резинка.

— Зато она мягкая, — сказал Юксаре.

Он вырыл для себя в туче подходящую ямку и нырнул в нее, и туча тут же накрыла его, словно перина, своим мягким одеялом из гагачьего пуха.

Мы ей явно понравились.

Но это удивительное происшествие значительно усложнило дальнейшее плавание нашего корабля.

В тот же день как раз перед заходом солнца небо вдруг странно изменилось. Оно стало желтым, но не приятного желтого цвета, а грязноватым и призрачным. Низко повиснув над горизонтом и грозно нахмутив брови, плыли черные тучи.

Теперь мы все сидели под солнечным тентом. Шнырёк и Клипдасс, произведя в туче раскопки, достали банку из-под кофе и перекатали ее на корму, где ей ничто не угрожало.

Солнце превратилось в тускло светящийся диск, вода вокруг почернела и пошла свинцовой рябью, ветер испуганно завыл в штаге*. Морские привидения и русалки

* Канат от верхней части мачты до носа, удерживающий мачту от падения назад.

исчезли, будто их сдуло ветром. На душе у нас было скверно.

— Проверь-ка aneroid, — взглянув на меня, сказал Фредриксон.

Я перелез через тучу и открыл дверь в навигационную каюту. Представьте себе мой ужас, когда я обнаружил, что aneroid показывает 670 — самую низкую цифру, на какую может опуститься стрелка!

Моя мордочка похолодела от страха, я наверняка побледнел, стал белый как простыня или, может быть, пепельный. До чего интересно! И снова перебравшись на корму, я воскликнул:

— Видите, я стал белый как простыня?!

— По-моему, ты такой, как всегда, — сказал Юксаре. — Что показывает aneroid?

— Шестьсот семьдесят! — ответил я (чуть обиженно, как вы понимаете).

Меня всегда удивляло, что торжественные минуты в жизни часто бывают испорчены ничтожными замечаниями, даже если их делают не со зла, а по глупости. Я считаю, что даже из самого ужасного положения надо искать выход. Отчасти, имея в виду данную ситуацию, отчасти потому, что настоящий страх как-то уменьшается, если начнешь его преувеличивать. Кроме того, приятно производить на кого-нибудь

впечатление. Но такому, как Юксаре, этого не понять. Ведь умственные способности распределяются неравномерно, и не мне судить о том, для чего в жизни нужны такие, как Юксаре.

Между тем Фредриксон, похлопывая ушами, принюхивался к ветру и озабоченно рассматривал «Морской оркестр».

— Хорошо построен этот пароход, — сказал он наконец. — Он справится. Пусть Шнырёк и Клипдасс заберутся в банку и закроют крышку, потому что сейчас начнется шторм.

— А тебе приходилось раньше попадать в шторм? — осторожно спросил я.

— Ясное дело, приходилось, — ответил Фредриксон. — В книжке с картинками «Путешествие по океану». Выше, чем там, волн не бывает.

И тут начался шторм. Он возник внезапно, как все настоящие штормы. В первый момент «Морской оркестр» от неожиданности чуть было не потерял равновесие, но быстро оправился и, тарахтя мотором, стал прорываться сквозь бушевавшую стихию.

Солнечный тент сорвало, и он, будто листок, полетел над морем. (Это был прекрасный солнечный тент. Надеюсь, тот, кто нашел его, обрадовался.) Банка Шнырька

закатилась под перила, и всякий раз, когда «Морской оркестр» взлетал на волну, все ее содержимое: пуговицы, подвязки, консервные ножи, гвозди, бисер — издавало ужасный грохот. Шнырёк кричал, что ему худо, но ни один из нас не мог помочь ему. Мы хватались за что попало и, охваченные ужасом, не спускали глаз с потемневшего моря.

Солнце исчезло. Горизонт исчез. Все вокруг было иное — чужое и враждебное!

Морская пена летела, обдавая нас шипящими блестками, а за поручнями парохода властвовал сплошной черный непонятный хаос. Внезапно я с ужасающей ясностью понял, что ничего не знаю ни о море, ни о судах. Я окликнул Фредриксона, но он меня не услышал. Я был совершенно оди-

нок, и некому было мне помочь. Но я не испытывал ни малейшего желания отгонять страх. Напротив, дорогой читатель! Ведь даже из самого ужасного положения надо извлечь что-то хорошее, тем более, когда у тебя есть свидетели! И, собравшись с духом, подумал: «Если я зажмурюсь, притворюсь, что меня вообще нет на свете, может, все и обойдется... И вообще, это не имеет ко мне никакого отношения! Я случайно влип в эту историю...» Я зажмурился и, словно став сразу же меньше, все снова и снова повторял:

— Ничего, ничего! Я совсем маленький, я сижу на качелях в Хемулихином саду и скоро пойду есть овсяную кашу...

— Послушай! — закричал сквозь бурю Фредриксон. — Они стали меньше!

Я его не понял.

— Меньше! — закричал он. — Волны куда меньше, чем в книжке с картинками.

Но я никогда не видел волн в той книжке с картинками и продолжал жмуриться, мысленно крепко держась за Хемулихины качели. Это помогло. Вскоре я и в самом деле почувствовал, что качели раскачиваются все медленнее, а буря все дальше и дальше откатывается от нас и никакой опасности больше нет. Тут я открыл глаза

и увидел невероятное: «Морской оркестр» покачивается высоко в воздухе под огромным белым парусом. А далеко внизу, под нами, все еще бушует шторм, мечутся черные волны. Но теперь шторм казался игрушечным и был нам совсем не страшен.

— Мы летим! Летим! — кричал Фредриксон.

Он стоял рядом со мной у поручней и смотрел на большой белый воздушный шар на верхушке пароходной оснастки.

— Как тебе удалось запрячь нашу тучу? — спросил я.

— Она сама взлетела ввысь, — ответил он. — Теперь у нас летающий речной пароход!.. — И Фредриксон погрузился в раздумье.

Ночь медленно светлела. Небо стало серым, было очень свежо. Постепенно я забыл, как пытался укрыться на Хемулихных качелях. Во мне снова проснулись уверенность, любопытство, и мне захотелось выпить кофе. В самом деле было ужасно холодно. Я осторожно встряхнул лапы и проверил, целы ли хвост и ушки! Ничего не пострадало от шторма.

Юксаре тоже был здесь. Укрывшись за банкой Шнырька, он пытался разжечь свою трубку.

Но «Морской оркестр» был в жалком состоянии. Мачта сломалась, лопастные колеса смыло. Печально колыхались на ветру оторванные штаги, во многих местах продавились поручни. Вся палуба была завалена водорослями, какими-то обломками, ворохами красноватых листьев рдеста и даже упавшими в обморок морскими привидениями. Но хуже всего было то, что с крыши навигационной каюты исчезла позолоченная луковица.

Теперь туча медленно снижалась, и речной пароход вместе с ней опустился в море. Когда небо на востоке окрасилось багрянцем и нас начала качать мертвая зыбь — отголосок бури, я услышал, как грохочут пуговицы в банке Шнырька. А белая туча из книжки с картинками снова заснула между поручнями.

— Дорогая моя команда! — торжественно произнес Фредриксон. — Мы выдержали бурю. Вытащите моего племянника из банки.

Мы отвинтили крышку, и из банки вылез жалкий, с позеленевшей мордочкой Шнырёк.

— Лучшая на свете пуговица, — усталым голосом сказал он. — Что я такого сделал? За что мне так худо? О, что за

жизнь, что за беды и напасти... Вы только *взгляните* на мою коллекцию в банке! Ай!

Клипдасс тоже вылез из банки и, при-
нюхавшись к ветру, фыркнул:

— Я хочу есть!

— Извините! — воскликнул Шны-
рёк. — Я не в силах даже *подумать* о
том, чтобы приготовить еду.

— Успокойся, — сказал я. — Я сварю
кофе.

Оказавшись на носу, я бросил смелый
взгляд на сломанные поручни, на море и
подумал: «Теперь, во всяком случае, я и о
тебе, море, кое-что знаю! И о пароходах
тоже! И о тучах. В следующий раз я не
стану жмуриться и делаться меньше!»

Мы уже пили кофе, когда взошло солнце
и озарило весь мир. Ласково и нежно со-
грело оно мой замерзший живот и подкре-
пило мужество. Я вспомнил, как солнце
всходило в первый день моей свободы после
исторического бегства и как оно светило в
то утро, когда я строил дом на песке. Я
родился в августе под гордым знаком Льва
и Солнца, и мне было предназначено сле-
довать путем приключений, обозначенным
моими собственными звездами.

«Ах, эти бури! Они нужны, верно, для то-
го, чтобы после них всходило солнце. А на-

вигационную каюту увенчает новая золоченая луковица», — подумал я, допивая кофе.

Я чувствовал, что обретаю покой.

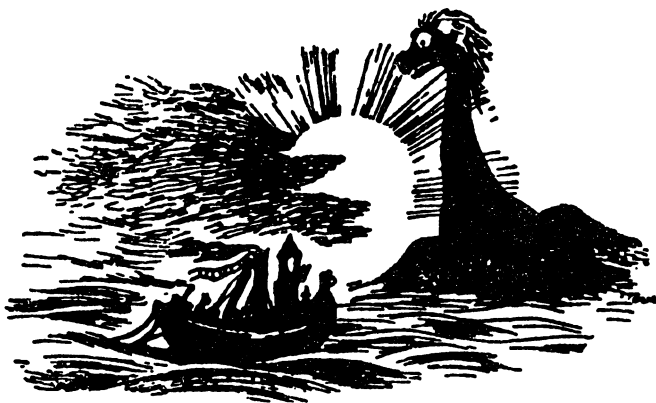
И вот страница перевернута, я приближаюсь к новой главе своей жизни. Впереди берег — большой одинокий остров посреди моря! Гордый силуэт чужого побережья!

Стоя на голове, я закричал:

— Фредриксон! Сейчас снова что-нибудь случится!

Шнырёк тут же воспрянул духом и начал перед высадкой на берег приводить в порядок свою банку. Клипдасс на нервной почве укусил себя за хвост, а Фредриксон заставил меня драть металлические детали, какие только оставались на пароходе. (Юксаре, как всегда, ничего не делал.) Мы плыли прямо к незнакомому берегу. Там, на высоком холме, можно было различить что-то похожее на маяк. Башня медленно покачивалась, как-то странно вытягиваясь то в одну, то в другую сторону, — вот так чудо! Но у нас было столько дел, что мы перестали обращать на нее внимание.

Когда «Морской оркестр» легко коснулся берега, мы, аккуратно причесанные, с начищенными зубами и хвостами, собрались возле поручней.

И тут вдруг высоко над нашими головами громовой голос произнес страшные слова:

— Будь я моррой, если это не Фредриксон и его подозрительная компания! Наконец-то я вас поймал! Живая картина!

Это был дронт Эдвард. И он был ужасно злой.

— Вот что случилось в дни моей юности! — сказал Муми-папа и закрыл блокнот.

— Читай дальше! — закричал Снифф. — Что было потом? Дронт Эдвард пытался растоптать вас насмерть?

— В следующий раз прочитаю, — таинственно пообещал папа. — Ну как, интересно, а? Видишь ли, когда пишешь книгу, самое интересное в том, чтобы закончить главу именно тогда, когда всего страшнее.

В этот день Муми-папа расположился на песчаном берегу со своим сыном, Снусмумриком и Сниффом. Когда он читал об ужасной буре, взгляды их были прикованы к морю, которое, как всегда поздним летом, ворчливо выбрасывало на берег волну за волной, и им казалось, что они видят «Морской оркестр», этот заколдованный корабль, летящий сквозь бурю с их отцами на борту.

— Как ему, наверно, было худо в кофейной банке, — пробормотал Снифф.

— Здесь холодно, — сказал Муми-папа. — Пройдемся немного?

Они шли по водорослям в сторону мыса, и ветер дул им в спину.

— А ты можешь издавать такие звуки, как клипдассы? — спросил Снусмумрик Муми-папу.

Папа попробовал.

— Нет, — сказал он. — Получается плохо. Это должно звучать так, словно трубят в жестяную трубу.

— По-моему, что-то вроде этого получилось, — произнес Муми-тролль. — Папа, а папа! Ты разве потом не бежал с хатифнаттами?

— Ну да, — смущенно признался папа, — может быть. Но это было гораздо-

гораздо позднее. Я думаю, не стоит даже писать об этом.

— По-моему, ты должен это сделать! — воскликнул Снифф. — Ты что, стал потом вести порочный образ жизни?

— Замолчи! — приказал ему Мумитроль.

— Все-все-все! — примирительно сказал папа. — Лучше посмотрите, там что-то лежит. Как видно, прибило к берегу! Бегите! Попробуйте выловить!

Они бросились бежать.

— Что это такое? — спросил Снусмумрик.

Добыча была большая, тяжелая и напоминала луковицу. Наверняка она ужасно долго плавала в море, потому что была опутана морской травой с застрявшими в ней

ракушками. Кое-где на треснувшем дереве виднелись остатки позолоты.

Муми-папа взял деревянную луковицу в лапы и долго разглядывал. Чем дольше он на нее глядел, тем шире раскрывались его глаза, а под конец он, прикрыв их лапой, вздохнул.

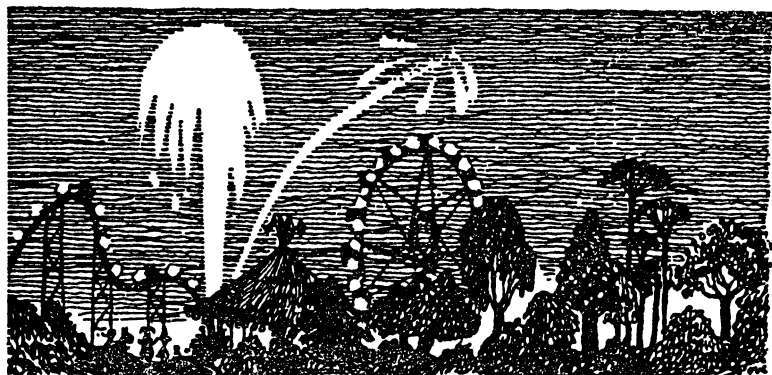
— Мальши, — торжественно, чуть дрогнувшим голосом произнес он. — То, что вы видите, — луковица навигационной каюты речного парохода «Морской оркестр»!

— О! — благоговейно произнес Мумитроль.

— А теперь, — сказал растроганный воспоминаниями папа, — теперь я думаю начать большую новую главу и поразмыслить над этой находкой наедине с самим собой. А вы бегите и поиграйте в пещере!

С этими словами Муми-папа направился дальше, к морскому мысу, держа в одной лапе позолоченный купол, а в другой — мемуары.

— В молодости я был бравый мумитроль, — сказал он самому себе. — Да и теперь я тоже не так уж плох, — добавил он, весело и тяжело ступая по земле.

ПЯТАЯ ГЛАВА,

где я (после короткого испытания моей
сообразительности) даю описание семьи
Мюмлы и праздника больших сюрпризов,
на котором я из рук Самодержца
принимаю волшебные подарки.

Я и по сей день твердо уверен в том, что
дронт Эдвард собирался усесться на нас.
Потом он, без сомнения, стал бы горь-
ко плакать и устроил бы нам на удивле-
ние пышные похороны, тщетно пытаясь ус-
покоить свою совесть. А вскоре после этого
он, совершенно точно, очень быстро забыл
бы это печальное происшествие и уселся
бы на кого-нибудь другого из своих зна-
комых, на кого был в ту минуту зол.

Как бы там ни было, у меня в решительный момент родилась идея. Как обычно, в голове моей щелкнуло, и идея появилась на свет. Я храбро подошел к этой свирепой горе и сказал, сохраняя спокойствие:

— Привет, дядя. Рад повстречаться с тобой снова. У тебя опять болят ноги?

— И ты осмеливаешься спрашивать меня об этом, водяная блоха? — проревел он. — Да, у меня болят ноги. Да, у меня болит хвост! И в этом виноваты вы!

— В таком случае, — сказал я спокойно, — вы, дядя, очень обрадуетесь нашему подарку: это настоящий спальный мешок из гагачьего пуха! Он сделан специально для дронтов, которые садятся на что-нибудь твердое!

— Спальный мешок? Из гагачьего пуха? — спросил дронт Эдвард и близоруко взглянул на нашу тучу. — Вы, морровы щетки для мытья посуды, конечно, надуете меня. Эта подушка, поди, набита камнями...

Он вытащил тучу на берег и подозрительно обнюхал ее.

— Садись, Эдвард! — крикнул Фредриксон. — Тебе будет чудесно: мягко и уютно!

— Это ты уже говорил, — сказал дронт. — Тогда ты тоже сказал: «Мягко

и уютно». А что было на самом деле? Самое что ни на есть колючее, жесткое, жутко каменистое, бугристое, корявое, Морра его подери!..

Потом Эдвард уселся на тучу и погрузился в задумчивое молчание.

— Ну? — закричали мы нетерпеливо.

— Хрумф... — угрюмо сказал дронт. — Здесь, кажется, есть несколько довольно мягких местечек. Посижу еще немного и решу, надо вас наказывать или нет.

Но когда дронт Эдвард принял решение, мы были уже далеко от рокового места, где могла бы разыгаться заключительная сцена всех моих надежд и мечтаний.

Очевидно, эта незнакомая страна была страной круглых холмов. Вокруг нас, насколько мог видеть глаз, простирались их зеленые, поросшие травой шапки. Эти холмы пересекались длинными низкими стенами, сложенными из булыжника, над которыми, видно, пришлось немало потрудиться. А вот редкие домишки были большей частью построены из соломы и, по моему мнению, никуда не годились.

— Зачем они понастроили эти стены из булыжника? — удивился Юксаре. — Они

кого-то запирают или, наоборот, кого-то не пускают внутрь. И куда, впрочем, все они подевались?

Вокруг царила полная тишина, никаких следов взволнованной толпы, которая, казалось бы, должна была нестись со всех ног, чтобы поглядеть на нас, узнать про бурю, восхищаться нами, посочувствовать нам. Я был сильно разочарован и думал, что другие разделяют мои чувства. Проходя мимо маленького домишки, который выглядел хуже остальных, мы услышали, что кто-то играет на гребенке. Мы постучали четыре раза, но никто не ответил.

— Привет! — крикнул Фредриксон. — Дома есть кто-нибудь?

И тут послышался тоненький голосок:

— Нет, никого нет!

— Странно, — заметил я. — Кто же это разговаривает?

— Я, Дочь Мюмлы, — отвечал голос. — Только вам нужно поскорее уходить, мне не велено никому отпирать дверь, покуда мама не вернется!

— А где твоя мама? — спросил Фредриксон.

— Она на садовом празднике, — ответил огорченно тоненький голосок.

— Почему же ты не пошла с ней? —
удивился Шнырёк. — Ты что, слишком ма-
ленькая?

Дочь Мюмлы расплакалась:

— У меня болит горло! Мама думает,
что у меня дифтерит!

— Открой дверь, — ласково сказал
Фредриксон. — Мы поглядим твоё горло.
Не бойся.

Дверь открылась. Перед нами с красными от слез глазами стояла Дочь Мюмлы. Шея у нее была повязана шерстяным платком.

— Сейчас поглядим. Скажи «а-а-а»! — велел Фредриксон.

— Мама еще думала, что у меня сыпной тиф или холера, — мрачно пробормотала Дочь Мюмлы и открыла рот: — А-а-а...

— Никакой сыпи, — сказал Фредриксон. — А горло болит?

— Ужасно, — простонала Дочь Мюмлы. — Оно у меня срастается, ясно вам? И скоро я не смогу ни есть, ни разговаривать, ни дышать.

— Иди сейчас же ложись в постель, — ужаснулся Фредриксон. — Мы должны привести твою маму. Сию же минуту!

— Не надо! — воскликнула Дочь Мюмлы. — На самом-то деле я вас просто обманула. И вовсе я не больна. Меня не взяли на садовый праздник, потому что я вела себя просто невыносимо, даже маме я надоела!

— Зачем же ты нас обманула? — спросил ошарашенный Фредриксон.

— Потому что так интереснее! — ответила маленькая Дочь Мюмлы и снова заревела. — Мне ужасно скучно!

— Почему бы нам не отвести ее на этот праздник? — предложил Юксаре.

— А если Мюмла рассердится? — возразил я.

— И вовсе не рассердится! — обрадовалась Дочь Мюмлы. — Мама обожает иностранцев! И к тому же она наверняка забыла, как плохо я себя вела. Она всегда обо всем забывает!

Дочь Мюмлы размотала с шеи шерстяную шаль и выбежала из дома.

— Поторапливайтесь! — закричала она. — Король наверняка уже давно начал устраивать сюрпризы!

— Король? — воскликнул я, и у меня вдруг засосало под ложечкой. — Ты хочешь сказать: настоящий король?

— Настоящий, — повторила Дочь Мюмлы. — Самый что ни на есть! Самодержец, самый могущественный король на свете! А сегодня день его рождения, ему исполняется сто лет!

— Он похож на меня? — прошептал я.

— Нисколечко. С какой стати емуходить на тебя? — удивилась Дочь Мюмлы.

Я пробормотал что-то неопределенное и покраснел. Конечно, я поторопился, высказав такое предположение. Но все-таки...

Подумайте, а что, если... Я чувствовал себя королевской особой. Да, да. Во всяком случае, я увижу Самодержца, может, даже поговорю с ним!

В королях есть нечто особенное, нечто величественное, возвышенное, недоступное. Вообще-то я не склонен восхищаться кем-либо (разве что только Фредриксоном), но королем можно восхищаться, не роняя своего достоинства. И это приятно.

Дочь Мюмлы тем временем бежала вприпрыжку по холмам, перелезала через каменные стены.

— Послушай-ка, — сказал Юксаре, — для чего вы понастроили эти стены? Вы запираете кого-нибудь внутри или запираетесь от кого-то снаружи?

— Еще чего, да их просто так понастроили, — отвечала Дочь Мюмлы. — Подданным королевства нравится строить стены, потому что тогда можно брать с собой еду и устраивать пикник... Мой дядя по материнской линии построил стену в семнадцать километров! Вы бы удивились, если бы познакомились с моим дядей, — весело продолжала она. — Он изучает все буквы и все слова слева направо и наоборот и носит с ними, пока точно не уверится, что хорошенько выучил их. А если слова

очень длинные и заковыристые, то он изучает их целыми часами.

— Например, такие, как «гарголозум-донтолог»! — подсказал Юксаре.

— Или «антифилифренсконсумция», — сказал я.

— О-о-о! — воскликнула Дочь Мюмлы. — Возле *таких* длинных слов ему пришлось бы разбить палатку! По ночам он закутывается в свою длинную рыжую бороду. Одна половина бороды — одеяло, а другая половина — матрац. Днем у него в бороде живут две маленькие белые мышки, им не приходится платить за квартиру, потому что они такие хорошенькие!

— Прошу прощения, — сказал Шнырёк, — но мне кажется, что она опять нас дурачит.

— Мои сестры и братья тоже так думают, — сказала Дочь Мюмлы. — Их у меня четырнадцать или пятнадцать, и все они думают то же самое. Я старшая из них и самая умная. Ну вот мы и пришли. Теперь скажите маме, что это вы заманили меня сюда.

— А как она выглядит? — спросил Юксаре.

— Она кругленькая, — ответила маленькая Дочь Мюмлы. — У нее все круглое снаружи и, наверное, внутри тоже.

Мы стояли перед высокой стеной из бумажника, ворота ее были увешаны гирляндами. А наверху висел плакат:

САДОВЫЙ ПРАЗДНИК
САМОДЕРЖЦА

*Вход свободный!
Добро пожаловать! Добро пожаловать!
Большое торжество
по случаю нашего столетнего юбилея.
Не пугайтесь, если случится
что-нибудь удивительное!*

— А что случится? — спросил Клипдасс.

— Что угодно, — ответила Дочь Мюмлы. — И это самое интересное.

Мы вошли в сад. Он был дикий, заросший, какой-то небрежно буйный.

— Извините, а дикие звери здесь водятся? — спросил Шнырёк.

— Гораздо хуже, — прошептала Дочь Мюмлы. — Пятьсот процентов гостей бесследно исчезает! Просто жуть. Ну, я пошла. Привет!

Мы осторожно последовали за ней. Дорога извивалась между густых кустов и была похожа на длинный зеленый туннель, наполненный таинственным полумраком...

— Стойте! — воскликнул Фредриксон, наострив уши.

Дорога обрывалась у пропасти. А внизу, в расселине (нет, об этом просто страшно говорить), висело и таращило на нас глаза что-то мохнатое с длинными шевелящимися ногами — это был огромный паук.

— Ш-ш-ш!.. Поглядим, злой ли он, — прошептал Юксаре и бросил вниз несколько маленьких камешков. Тогда паук замаяхал ногами, словно ветряная мельница крыльями, и завертел глазами (ведь они у него крепились на стерженьках).

— Он искусственный! — заметил с изумлением Фредриксон. — Ноги из стальной спирали! Хорошо сделан.

— Извините, но, по-моему, так шутить не годится, — сказал Шнырёк. — На свете и без того хватает действительно *страшного и опасного!*

— Ах, эти иностранцы! — вздохнул Фредриксон и пожал плечами.

Я был глубоко потрясен, не столько пауком, сколько вовсе не королевским поведением Самодержца.

У следующего поворота тоже висел плакат.

ТЕПЕРЬ-ТО УЖ ВЫ ИСПУГАЕТЕСЬ!

— обещал он.

«Как может король так ребячиться? — взволнованно подумал я. — Это несолидно, в особенности, если королю сто лет! Ведь нужно дорожить восхищением своих подданных. Нужно внушать уважение!»

Тут мы подошли к искусственному озеру и стали пристально разглядывать его.

У берега стояло несколько корабликов, украшенных флагами Самодержца. Над водой склонялись приветливые деревья.

— Невероятно, — пробормотал Юксаре и забрался в ярко-красный кораблик с голубыми поручнями.

Мы успели доплыть до середины озера, когда король устроил нам еще один сюрприз. Рядом с корабликом забила сильная струя воды, которая нас хорошенько окатила. Вполне понятно, что Шнырёк закричал от страха. Прежде чем мы доплыли до берега,

нас окатило еще четыре раза, а на берегу висел еще один плакат, утверждавший:

**ТЕПЕРЬ ВЫ ХОРОШЕНЬКО
ПРОМОКЛИ!**

Я совершенно растерялся, мне было очень стыдно за короля.

— Странный садовый праздник, — пробормотал Фредриксон.

— А мне он нравится! — воскликнул Юксаре. — Видно, этот Самодержец симпатичный. Он совсем не чванится!

Я выразительно взглянул на Юксаре, но сдержался и не сказал ничего.

Мостики, по которым нам предстояло перейти целую систему каналов, были ломаные или коварно склеены из картона, здесь и там нам приходилось балансировать по гнилым стволам деревьев или по висячим мостикам из старых шнурков и обрывков веревки. Однако ничего особенного с нами не случилось, не считая того, что Клипдасу пришлось постоять вниз головой на илистой отмели, но это, судя по всему, только взбодрило его.

Вдруг Юксаре воскликнул:

— Ха-ха! На этот раз они нас не проведут.

Он подошел к большому чучелу быка и хлопал его по морде. Можете себе представить наш ужас, когда бык, издав дикий рев, опустил рога (к счастью, обмотанные тряпкой) и с такой силой швырнул Юксаре, что тот, описав красивую дугу, упал на розовый куст.

И тут мы, к нашей досаде, обнаружили, конечно, новый плакат, с триумфом сообщавший:

ЭТОГО ВЫ НИКАК НЕ ОЖИДАЛИ!

На этот раз я решил, что Самодержец был все же не лишен чувства юмора.

Постепенно мы стали привыкать к сюрпризам. Мы брели все дальше и дальше по дремучему саду короля, пробирались сквозь густые заросли, всевозможные потайные укромные местечки, под водопадами и над пропастями с искусственными кострами. Однако король придумал для своих подданных не только западни и страшилища на стальных пружинах. Если хорошенько поискать под кустами, в расселинах и дуплах, можно было найти гнезда с раскрашенными и позолоченными яйцами. На каждом яйце была красиво выведена цифра. Я нашел яйца 67, 14, 890, 223 и 27. Это была королевская лотерея Самодержца. Вообще-то я не люблю лотереи,

потому что ужасно расстраиваюсь, если не выиграю, но искать яйца мне понравилось. Больше всех нашел Клипдасс, и нам стоило больших трудов уговорить его не есть их, а поберечь до раздачи выигрышей. Фредриксон занял почетное второе место, за ним шел я, а под конец — Юксаре, слишком ленивый, чтобы искать, и Шнырёк, который искал бессистемно и беспорядочно сновал вокруг.

И тут мы нашли длинную пеструю ленту, привязанную бантиками к деревьям. Большой плакат сообщал нам:

СЕЙЧАС ВАМ БУДЕТ
УЖАСНО ВЕСЕЛО!

Послышались радостные возгласы, выстрелы и музыка; посреди сада веселье было в самом разгаре.

— Я, пожалуй, останусь здесь и подожду вас, — опасливо сказал Клипдасс. — Похоже, там слишком шумно!

— Ладно, — сказал Фредриксон. — Только смотри не потеряйся.

Мы остановились на краю большой зеленой лужайки, где собралась целая толпа подданных короля. Они катались с горок, кричали, пели, кидали друг в друга шарики-хлопушки и ели сахарную вату. Посреди

поляны стояло круглое строение, а на нем много белых лошадей с серебряной упряжью. Сооружение крутилось, изнутри доносилась музыка, а на крыше развевались флажки.

— Что это такое? — восхищенно воскликнул я.

— Карусель, — ответил Фредриксон. — Я делал чертеж такой машины и показывал тебе, разве ты не помнишь?

— Но чертеж выглядел совсем по-другому. Ведь здесь лошади, серебро, флажки и музыка.

— И подшипники, — сказал Фредриксон.

— Не угодно ли господам соку? — спросил рослый хемуль в нелепом переднике (я всегда говорил, что у хемулей абсолютно нет вкуса). Он налил нам по стакану сока и многозначительно сказал: — Вам нужно поздравить Самодержца. Сегодня ему исполняется сто лет!

Со смешанным чувством взял я стакан и обратил свой взор на трон Самодержца. Король был весь сморщенный и вовсе не подходил на меня. Что я испытывал при этом: разочарование, а может быть, облегчение? Момент, когда глядишь на трон, торжественный и важный. У каждого тролля должно

быть то, на что он может смотреть снизу вверх (и, разумеется, то, на что он смотрит сверху вниз), то есть нечто, вызывающее благоговение и благородные чувства. И что же я увидел — короля с короной набекрень, цветами за ухом, короля, хлопавшего себя по коленкам и так сильно отбивавшего ногой такт, что трон качался. У трона стояла туманная сирена, в которую король трубил каждый раз, когда хотел обратиться к кому-нибудь из подданных. Нужно ли говорить, что я был ужасно смущен и удручен.

Когда туманная сирена наконец умолкла, Фредриксон сказал:

— Имею честь поздравить. С первым столетием.

Я тут же сделал салют хвостом и сказал не своим голосом:

— Ваше величество Самодержец, позвольте пришельцу из дальних стран принести вам свои поздравления. Этот миг я запомню надолго!

Король удивленно уставился на меня и захихикал.

— Ваше здоровье! — воскликнул он. — Вы промокли? Что сказал бык? Не собираетесь ли вы утверждать, что никто из вас не свалился в бочку с сиропом? Ах, до чего же весело быть королем!

Тут королю надоело говорить с нами, и он опять принялся трубить в туманную сирену.

— Эй, верные мои люди! — закричал он. — Да пусть же кто-нибудь остановит эту карусель. Спешите все сюда. Сейчас будут раздавать выигрыши!

Карусели и качели остановились, и все сбежались к королю.

— Семьсот один! — выкрикнул король. — У кого семьсот один?

— У меня, — сказал Фредриксон.

— Пожалуйста! Пользуйся на здоровье! — сказал Самодержец и протянул ему прекрасную механическую пилу, точно такую, о какой Фредриксон давно мечтал.

Король выкликал новые номера, подданные выстроились у трона длинной вереницей, смеясь и болтая. Все от мала до велика выиграли что-нибудь. Все, кроме меня.

Юксаре и Шнырёк сложили свои выигрыши в ряд и принялись их тут же уничтожать, ведь это были, главным образом, шоколадные шарики, марципановые хемули и розы из сахарной ваты. А у Фредриксона на коленях лежала целая груда полезных и интересных вещей, большей частью это были инструменты.

Под конец Самодержец сошел с трона и крикнул:

— Дорогие мои! Дорогие мои бестолковые, шумливые, неразумные подданные! Вы получили то, что вам больше всего подходит, и ничего другого вы не заслуживаете! Наша столетняя мудрость подсказала Нам спрятать яйца в тайниках трех типов. Первые Мы устроили в таких местах, где легко споткнуться, для тех, кто носится без толку туда-сюда и

вдобавок слишком ленив, чтобы искать, — и это выигрыши съедобные. Вторые — для тех, кто ищет спокойно, методично и рассудительно. Это выигрыши, из которых можно что-нибудь смастерить. А для выигрышей третьего типа Мы выбрали тайники с фантазией. И эти выигрыши вовсе ни на что не годятся. Слушайте же, дорогие, неисправимые, неразумные подданные! Кто из вас искал яйца в самых причудливых тайниках: под камнями, в ручьях, в верхушках деревьев, в цветочных бутонах, в собственных карманах или в муравейниках? Кто нашел яйца с номерами шестьдесят семь, четырнадцать, восемьсот девяносто, девятьсот девяносто девять, двести двадцать три и двадцать семь?

— Я! — закричал я с такой силой, что невольно подпрыгнул, и почувствовал, что краснею.

И тут же послышался тоненький голосок:

— Девятьсот девяносто девять!

— Иди сюда, бедняга тролль, — сказал Самодержец. — Вот тут бесполезные призы фантазеру. Тебе они нравятся?

— Ужасно нравятся, Ваше величество, — сказал я, задыхаясь от волнения, и уставился, как зачарованный, на свои призы. Двадцать седьмой был определенно лучше всех — украшение для гостиной: на под-

ставке из коралла возвышался маленький трамвайчик из пенки. На передней платформе второго вагона был маленький футлярчик для английских булавок. Номер 67 выиграл мутовку для шампанского, украшенную гранатами. Кроме того, я выиграл зуб акулы, законсервированное колечко дыма и искусно украшенную ручку от шарманки. Можете ли вы понять, дорогие читатели, что я почти простил Самодержцу его недостаточно королевскую внешность и решил вдруг, что он все-таки довольно неплохой король?

— А как же я? — воскликнула Дочь Мюмлы (ведь это, разумеется, ей достался выигрыш 999).

— А тебе, Мюмлочка, я позволю поцеловать Нас в носик.

Дочь Мюмлы вскарабкалась Самодержцу на колено и чмокнула его в старый самодержавный нос, а народ в это время кричал «ура!», радуясь своим выигрышам.

Это был грандиозный садовый праздник. Когда стало смеркаться, в парке Сюрпризов повсюду зажглись цветные фонарики, начались танцы, игры, шуточные схватки и состязания. Самодержец раздавал воздушные шары, открывал огромные бочки яблочного сока, повсюду горели костры и поданные варили суп и жарили колбасу.

Слоняясь в толпе, я вдруг увидел большую мюмлу, которая, казалось, вся состояла из шариков. Я подошел к ней, поклонился, извинился и спросил:

— Вы случайно не Мюмла?

— Она самая, — сказала Мюмла и засмеялась. — Надо же, как я объелась! Жаль, что тебе достались такие странные призы!

— Странные? — воскликнул я. — Есть ли на свете что-нибудь лучше бесполезных призов фантазера? — И тут же вежливо добавил: — Разумеется, вашей дочери достался главный приз.

— Это делает честь нашей семье, — с гордостью согласилась Мюмла.

— Значит, вы больше не сердитесь на нее? — спросил я.

— Сержусь? — удивилась Мюмла. — За что? У меня нет времени сердиться. Восемнадцать, девятнадцать детей, всех их умыть, уложить, раздеть, одеть, высморкать, утешить и еще морра знает что! Нет, мой юный друг, мне некогда огорчаться!

— И потом, у вас такой удивительный брат, — продолжал я.

— Брат? — спросила Мюмла.

— Да, дядя вашей дочери по материнской линии, — пояснил я. — Который спит, завернувшись в свою рыжую бороду (хоро-

шо, что я еще не сказал ничего про крыс, живущих в его бороде).

Тут Мюмла захохотала во все горло и сказала:

— Ну и дочка у меня! Она тебя обманула. Насколько мне известно, у нее вовсе нет никакого дяди по материнской линии. Ну пока, я пойду кататься на карусели.

И, забрав в охапку столько детей, сколько могло уместиться на ее мощных руках, Мюмла уселась в одну из красных карет, которую везла серая в яблоках лошадь.

— Удивительная мюмла! — заметил Юксаре с искренним восхищением.

Верхом на лошади сидел Шнырёк, и вид у него был очень странный.

— Как дела? — спросил я. — Ты что такой невеселый!

— Почему, — пробормотал Шнырёк, — я веселюсь изо всех сил. Только от этого кружения мне так худо... Как жалко!

— А сколько раз ты кружился?

— Не знаю, — жалобно сказал Шнырёк. — Много! Очень много! Извините, но я должен! Может, мне больше никогда не придется кататься на карусели... Ах, вот она опять начала кружиться!

— Пора идти домой, — сказал Фредриксон. — Где король?

Самодержец увлеченно катался с горки, и мы незаметно ушли. Остался только один Юксаре. Он объяснил, что они с Мюмлой решили кататься на карусели до самого восхода солнца.

На самом краю лужайки мы нашли Клипдасса; зарывшись в мох, он спал.

— Привет! — сказал я. — Ты не собираешься получить свои выигрыши?

— Выигрыши? — заморгал глазами Клипдасс.

— Ведь ты нашел дюжину яиц.

— Я их съел, — застенчиво сказал Клипдасс, — ведь мне нечего было делать, пока я вас ждал.

Я долго думал о том, что выиграл Клипдасс и кто забрал вместо него его выигрыши. Может быть, Самодержец приберег их до своего следующего столетия.

Муми-папа перелистнул страницу и сказал:
— Шестая глава.

— Подождите немного, — попросил Снусмумрик. — Моему папе нравилась эта Мюмла?

— Еще бы! — отвечал Муми-папа. — Они носились повсюду вдвоем и хохотали, когда надо и не надо.

— Она нравилась ему больше, чем я? — спросил Снусмумрик.

— Но ведь тогда тебя еще не было, — ответил Муми-папа.

Снусмумрик фыркнул. Он надвинул шляпу на уши и уставился в окно.

Взглянув на него, Муми-папа поднялся, подошел к угловому шкафу и долго рылся на верхней полке. Вернувшись, он положил перед Снусмумриком длинный блестящий акулий зуб.

— Я тебе его дарю, — сказал он. — Твоему папе он очень нравился.

Снусмумрик взглянул на акулий зуб.

— Хороший, — сказал он. — Я пове-
шу его над своей кроватью. А папа сильно
ушибся, когда бык швырнул его в тот ро-
зовый куст?

— Да нет, — ответил Муми-папа. —
Юксаре был мягкий, как кот, и потом, рога
быка ведь были обвязаны тряпкой.

— А что стало со всеми призами? —
спросил Снифф. — Трамвайчик стоит в
гостиной под зеркалом, а где остальные?

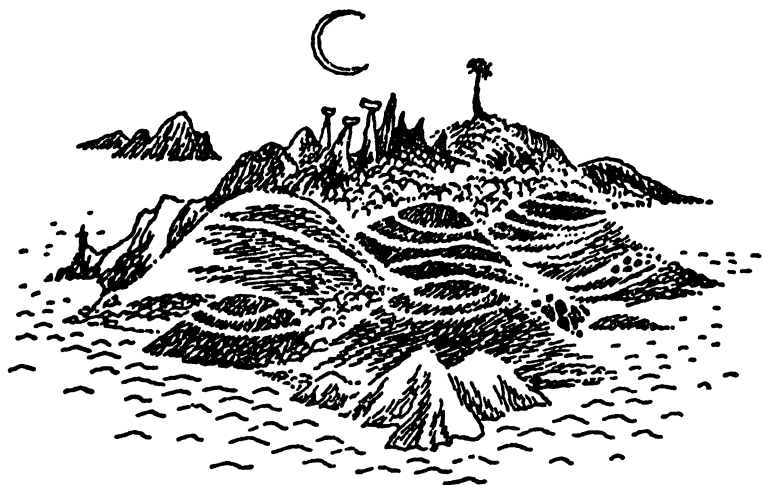
— Так вот, шампанского у меня никогда
не было, — задумчиво сказал Муми-па-
па. — Поэтому мутовка до сих пор лежит
в ящике кухонного стола. А колечко дыма
с годами растаяло.

— А искусно украшенная ручка шар-
манки? — воскликнул Снифф.

— Что ж, — сказал Муми-папа. —
Если бы я знал, когда у тебя день рожде-
ния! Но твой папа так и не обзавелся ка-
лендарем.

— Но ведь у меня есть именины! —
взмолился Снифф.

— Хорошо, ты получишь в этот день
загадочный подарок, — сказал Муми-па-
па. — Помолчите, я буду читать дальше.

ШЕСТАЯ ГЛАВА,

в которой я основываю колонию
и переживаю кризис, а также
призываю привидение на остров
Ужасов.

Я надолго запомню утро, когда Фредрик-сон получил телеграмму.

Мы сидели в навигационной каюте «Морского оркестра» и пили кофе.

— Я тоже хочу кофе, — сказал Клипдасс и стал пускать пузыри в свой стакан с молоком.

— Ты еще маленький, — ласково пояснил Фредриксон. — Между прочим, через полчаса тебя с пакетботом отправят к маме.

— Надо же! — спокойно сказал Клипдасс и продолжал пускать пузыри в молоко.

— А я останусь у вас! — крикнула Дочь Мюмлы. — Пока не вырасту. Послушай, Фредриксон, ты не можешь изобрести что-нибудь такое, от чего мюмлы вырастают ужасно большими?

— С нас хватит и *маленькой* мюмлы.

— Мама тоже так считает, — призналась она. — Знаете ли вы, что я появилась на свет в маленькой раковине, и когда мама нашла меня в своем аквариуме, я была не больше водяной блохи.

— Вот ты и опять обманываешь нас, — сказал я. — Мне очень хорошо известно, что каждый появляется на свет из своей мамы, а сперва сидит в ней, как семечко в яблоке. И потом, мюмлу нельзя держать на борту — она приносит несчастье!

— Ерунда, — беспечно возразила Дочь Мюмлы, отпивая еще один большой глоток кофе.

Мы привязали к хвосту Клипдасса бумажку с адресом и поцеловали его в мордочку.

— Передай привет маме, — велел Фредриксон. — Да, и не грызи пакетбот.

— Не буду, — радостно пообещал Клипдасс и отправился в путь, а Дочь Мюмлы

пошла присмотреть, чтобы он благополучно сел на пароход.

Фредриксон расстелил на столе навигационной каюты карту мира, когда в дверь постучали и зычный голос сообщил:

— Телеграмма! Телеграмма-молния Фредриксону!

За дверью стоял рослый хемуль из королевской гвардии Самодержца. Фредриксон, сохраняя самообладание, надел капитанскую фуражку и с серьезным видом прочитал вслух:

«Нашего сведения дошло *фредриксон* прирожденный изобретатель *точка* просим направить талант службу самодержцу *восклицательный знак* ответ срочно *точка*».

— Извините меня, но этот король не слишком грамотен, — сказал Шнырёк, умевший читать только на своей кофейной банке (Maxwell House Coffe high grade one round* и так далее. Коробка, ясное дело, была голубая).

— В телеграмме-молнии предлоги никогда не пишутся, — объяснил Фредриксон. — Их некогда вставлять. Наоборот, это отличная телеграмма.

Он достал щетку для волос, лежавшую за нактоузом, и принялся драть свои уши

* Кофе «Максвелл Хаус», высшее качество, один фунт (англ.).

с такой силой, что пучки волос разлетались по всей навигационной каюте.

— Можно я поставлю предлоги в твоей телеграмме? — спросил Шнырёк.

Фредриксон не слушал его. Что-то бор-моча, он стал чистить брюки.

— Послушай-ка, — осторожно сказал я, — если ты будешь изобретать разные там штуки Самодержцу, мы не сможем плыть дальше, верно же?

Фредриксон издал неопределенный звук.

— А на изобретения понадобится долгое время, правда ведь? — продолжал я.

Фредриксон ничего не ответил, и я в полном отчаянье воскликнул:

— Ведь ты хочешь стать искателем приключений, правда?

Но Фредриксон ответил:

— Я хочу быть изобретателем. Хочу изобрести летающий речной корабль.

— А как же я? — спросил я.

— Ты можешь вместе с остальными основать колонию, — дружелюбно сказал он и исчез.

В тот же день Фредриксон, а вместе с ним и «Морской оркестр» поселились в парке Сюрпризов. На берегу одиноко осталась стоять одна лишь навигационная

каюта. По приказу Самодержца речной пароход доставили на поляну развлечений и сделали из этого всего большой секрет, восторженные подданные короля с усердием построили вокруг парохода восемь новых стен из булыжников.

Множество телег доставили сюда инструменты — тонны шарикоподшипников и километры пружины из стальной проволоки. Фредриксон пообещал Самодержцу, что станет по вторникам и четвергам изобретать всякие забавные штуки — пугать подданных, а в прочие дни он был волен заниматься своим летающим речным пароходом.

Обо всем этом я узнал позднее, но в ту минуту я чувствовал себя одиноким и покинутым. Теперь я уже снова начал сомневаться в достоинствах Самодержца и не мог больше восхищаться королями. К тому же я понятия не имел, что означает странное слово «колония». Вконец рассерженный, я отправился к дому Мюмлы искать утешения.

Дочь Мюмлы мыла младших братьев и сестер, поливая их водой из шланга.

— Привет! — сказала она. — У тебя такой вид, словно ты ел клюкву без сахара!

— Я уже больше не искатель приключений, я собираюсь основать колонию, — мрачно ответил я.

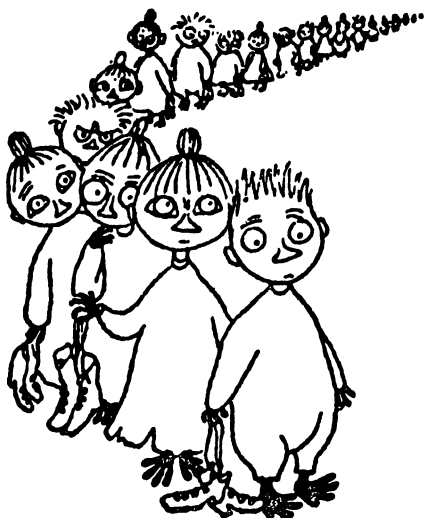
— Вот как, а что это такое? — спросила Дочь Мюмлы.

— Сам не знаю, — пробормотал я. — Скорее всего что-то ужасно глупое. Думаю, что нужно уйти отсюда, я уйду с хатифнаттами, одинокий и вольный, как морской орел.

— Тогда и я пойду с тобой, — заявила Дочь Мюмлы и опустила шланг.

— Так ведь Фредриксон и ты — это большая разница, — сказал я тоном, который исказил мою мысль.

— Да, конечно! — весело воскликнула она. — Мама! Где ты? Ну куда она опять подевалась?

— Привет! — сказала Мюмла, и ее голова показалась над травинкой. — Ты всех вымыла?

— Нет, только половину, — отвечала ей дочка. — Остальные и так обойдутся. Вот этот тролль просит меня отправиться вместе с ним в кругосветное путешествие, мы улетим... одинокие, как синица!

— Нет! Нет! — закричал я с вполне понятным беспокойством. — Я имел в виду совсем другое!

— Как орланы-белохвосты, — поправилась Дочь Мюмлы.

Мюмла удивленно воскликнула:

— Что ты говоришь! Значит, ты не придешь к ужину?

— Ах, мама, — ответила Дочь Мюмлы. — Когда ты в следующий раз увидишь меня, я буду самая большая мюмла на свете! Так мы сейчас отправляемся?

— Подумать хорошенько, так, пожалуй, уж лучше основать колонию, — ответил я слабым голосом.

— Прекрасно! — весело сказала она. — Теперь мы — колонисты! Посмотри-ка, мама, я настоящая колонистка, я переселяюсь из дома!

Дорогие читатели, в ваших собственных интересах я прошу вас, будьте осторожны с мюмлами. Их интересует все, а сами они никак не могут понять, что они интересуют далеко не всех.

Итак, волею судьбы я основал колонию. Мы — Дочь Мюмлы, Шнырёк, я и Юксаре — собрались в заброшенной навигационной каюте Фредриксона.

— Ну вот, — сказала Дочь Мюмлы. — Я спросила маму, что такое колонисты, и она считает: это те, которые живут очень близко друг от друга, потому что одиночество никому не нравится. А потом все начинают ссориться, но ведь это гораздо ве-

селее, чем если ссориться не с кем. Мама предостерегала меня.

Ее слова были встречены неодобрительным молчанием.

— Так что же, нам нужно сразу начать ссориться? — со страхом спросил Шнырёк. — Я терпеть не могу ссориться. Извините, но ведь ссориться ужасно неприятно!

— Вовсе нет! — воскликнул Юксаре. — Колония — это место, где живут в мире и спокойствии и как можно дальше друг от друга. Иногда случается что-нибудь необыкновенное, а потом снова наступает мир и спокойствие... Можно, например, жить на яблоне. Песни и солнечный свет... Просыпаешься поздно по утрам, вы понимаете... Никто не снует возле тебя и не твердит тебе, что надо, не откладывая, делать и то и это... Тут все делается само по себе!

— А может все делается само по себе? — спросил Шнырёк.

— Ясное дело, — мечтательно сказал Юксаре. — Просто нужно оставить дела в покое. Апельсины растут, цветы распускаются, и время от времени рождаются на свет новые юксаре, чтобы есть апельсины и нюхать цветы. И каждому из них светит солнце.

— Нет! Это все никакая не колония! — воскликнул я. — Я считаю, что колония —

это свободное товарищество! Товарищество, которое занимается чем-то романтическим и немного страшноватым, тем, чем никто другой заняться не посмеет.

— Чем же это? — с интересом спросила Дочь Мюмлы.

— Сами увидите, — загадочно отвечал я. — В следующую пятницу, в полночь! Вы сильно удивитесь!

Шнырёк закричал «ура!», а Дочь Мюмлы захлопала.

Но страшная правда заключалась в том, что я не имел ни малейшего понятия, чем мне удивить их в полночь в следующую пятницу.

Мы начали с полной самостоятельности.

Юксаре поселился на яблоне неподалеку от дома Мюмлы. Ее дочка заявила, что она будет спать каждую ночь на новом месте, чтобы чувствовать себя независимой, а Шнырёк продолжал жить в своей банке из-под кофе.

Я не без грусти остался в навигационной каюте. Она стояла на одиноком утесе и была похожа, скорее всего, на выброшенный штормом обломок корабля. Я отчетливо помню, как стоял и смотрел на старый ящик с инструментами, принадлежащий Фредриксо-ну, который хемули из гвардии Самодержца

забраковали, решив, что он недостаточно хорош для придворного изобретателя.

И тут я решил: «Именно сейчас мне нужно придумать что-нибудь не менее замечательное, чем изобретения Фредриксона. Как мне произвести впечатление на своих колонистов? Ведь они ждут, а скоро пятница, и к тому же я слишком много болтал о том, какой я талантливый...»

На мгновение мне стало дурно, я смотрел на волны, бегущие одна за другой, и все время мысленно представлял себе, как Фредриксон без передышки все строит и строит, изобретает и изобретает, а обо мне и вовсе думать забыл.

Мне было почти досадно, что я не родился, как хатифнатт, под неизвестными блуждающими звездами и не мог, как они, плыть и плыть к недостижаемому горизонту, молчаливый и равнодушный ко всему, и чтобы никто не ждал от меня ничего другого.

В этом печальном настроении я пребывал до самого вечера. Наконец, устав от своего одиночества, я побрел по холмам туда, где подданные Самодержца продолжали строить свои дурацкие стены и устраивать пикники. Повсюду горели маленькие костры, взлетали самодельные фейерверки, и подданные кричали, как всегда, «ура!» своему

королю. Проходя мимо банки Шнырька, я услышал, как он разговаривает с самим собой. Речь, как мне показалось, шла о форме какой-то пуговицы, круглой и в то же время продолговатой, если на нее посмотреть с определенной стороны. Юксаре спал у себя на дереве, а Дочь Мюмлы бегала где-то, чтобы показать своей маме, какая она самостоятельная.

Глубоко ощущая Ненужность всего Сущего, я направился в парк Сюрпризов. Там царила полная тишина. Водопады не работали, лампочки не горели, карусель спала под большим коричневым покрывалом. Трон Самодержца был тоже накрыт покрывалом, а под тронем стояла его туманная сирена. На земле повсюду валялись бумажки от конфет.

И тут я услышал стук молотка.

— Фредриксон! — закричал я.

Но он не ответил и продолжал стучать молотком. Тогда я завел туманную сирену. Минуту спустя в темноте показались уши Фредриксона.

— Я не могу показать тебе *это*, пока оно не будет готово, — сказал Фредриксон. — Ты пришел слишком рано.

— Я и не думаю глядеть на твое изобретение, — с обидой сказал я. — Мне просто хочется поговорить!

— О чем же? — удивился он.

Немного помолчав, я спросил:

— Милый Фредриксон, а что *делает* вольный искатель приключений?

— Что ему хочется, — ответил Фредриксон. — Что ты еще хотел сказать? Мне вообще-то немножко некогда.

Приветливо помахав ушами, он скрылся в темноте. Вскоре я снова услышал, как он заколачивает гвозди. Всю обратную дорогу меня одолевали никчемные мысли, ни одна из которых не могла стать идеей, и в первый раз мне не доставляло удовольствия думать о самом себе. Я погрузился в состояние глубокой печали, что случилось со мной в жизни и после, когда кто-нибудь делал что-нибудь лучше меня.

Однако я нашел это новое чувство весьма интересным, догадываясь, что, несмотря ни на что, оно свидетельствует о моем таланте. Я заметил: когда я позволяю себе впасть в меланхолию, вздыхать, уставясь в морскую даль, это доставляет мне своего рода удовольствие. Мне было *ужасно* жаль себя, а это так приятно.

Пребывая в таком настроении, я с помощью инструментов Фредриксона рассеянно начал кое-что переделывать в навигационной каюте, используя выброшенные на

берег обломки реек. Мне казалось, что дом слишком низенький.

Эта печальная, но важная для моего развития неделя миновала. Я забивал гвозди и размышлял, пилил и размышлял, но ни одна гениальная идея не родилась в моей голове.

Ночь на четверг была тихая и светлая. На небе сияла полная луна. Все замерло. Даже подданным Самодержца надоело кричать «ура!» и пускать фейерверки. Я достроил лестницу, ведущую на верхний этаж, и сидел у окна, положив мордочку на лапы. Стояла такая тишина, что слышно было, как мохнатые ночные бабочки чистят свои крылышки.

И тут я увидел на песчаном берегу маленькое белое существо. При первом взгляде я решил, что это хатифнатт. Но когда оно, скользя, приблизилось немного, шерсть у меня на затылке встала дыбом. Существо было прозрачное. Я отчетливо различал камни сквозь него, оно насквозь просвечивало и не имело тени! Если добавить, что оно было закутано во что-то, похожее на тончайшую белую занавеску, каждому станет ясно, что это было привидение!

Я взволнованно поднялся. Заперта ли дверь внизу? Может быть, привидение может пройти сквозь нее... Куда мне девать-

ся? Вот закрипела наружная дверь. Холодный ветерок взметнулся вверх и подул мне в затылок.

Теперь, вспоминая об этом, я не уверен, что испугался тогда, просто, наверное, решил быть как можно осторожнее. Поэтому я заполз под кровать и стал ждать. Чуть погода лестница закрипела. Один раз скрипнула, второй... Я знал, что у лестницы девять ступенек (эту лестницу было ужасно тяжело

делать, она была винтовая). Итак, я сосчитал до девяти, потом стало совсем тихо, и я подумал: «Теперь оно стоит за дверью...»

На этом Муми-папа закончил чтение и сделал эффектную паузу.

— Снифф, — сказал он, — подкрути вверх фитиль керосиновой лампы. Подумать только, когда я читаю про эту ночь с привидениями, лапы у меня становятся совершенно мокрые!

— Кто-то что-то сказал? — пробормотал Снифф, проснувшись.

Папа Муми-тролля взглянул на Сниффа и сказал:

— Да нет, ничего. Просто я читал свои мемуары.

— Про привидение — это хорошо, — сказал Муми-троль, который лежал, укрывшись одеялом до ушей. — Пусть оно будет. Но про печальное настроение, по-моему, лишнее. Получается слишком *длинно*.

— Длинно? — обиженно воскликнул папа. — Что ты называешь длинным? В мемуарах должно быть описание печальных чувств. Во всех мемуарах это есть. Я пережил кризис.

— Что пережил? — удивился Снифф.

— Мне было ужасно плохо, — сердито объяснил папа. — Я был так несчастлив,

что даже не заметил, как построил двухэтажный дом!

— А на яблоне Юксаре были яблоки? — спросил Снусмумрик.

— Нет, — отрезал папа и, поднявшись, захлопнул тетрадь в клеенчатой обложке.

— Послушай, папа, — сказал Мумитроль, — про это привидение ужасно интересно.

Но папа спустился в гостиную — бывшую навигационную каюту — и уставился на барометр-анероид, который по-прежнему висел над комодом. Что тогда сказал Фредриксон, увидев дом Муми-папы? «Надо же, что ты смастерил! Надежная защита». А другие вовсе не заметили, что дом стал выше. Может, ему надо было сократить эту главу о чувствах? Может, она кажется глупой и вовсе не занимательной? Может, и вся книга глупая?

— Никак ты сидишь здесь в темноте? — сказала Муми-мама, открывая кухонную дверь. Она была в кладовой и готовила бутерброды.

— Мне кажется, глава о переживаниях моей юности нелепая, — сказал папа.

— Ты говоришь про начало шестой главы? — спросила она.

Папа что-то пробормотал.

— Это одно из лучших мест во всей книге, — сказала Муми-мама. — У тебя получается гораздо правдивее, когда ты перестаешь хвастаться. Детишки слишком малы, чтобы понять это. Я принесла и для тебя бутерброд на ночь. Ну, пока.

Она пошла наверх по лестнице. Лестница проскрипела точно как тогда, девять раз. Но эта лестница была прочнее, чем старая...

Папа съел бутерброд в темноте. Потом он тоже поднялся наверх, чтобы читать дальше Муми-тролля, Снусмумрику и Сниффу.

Щель в дверях чуть-чуть расширилась, и маленький белый дымок влетел в комнату. Свернувшись клубком на коврик, он таращил два белых мигающих глаза — из своего укрытия под кроватью я это видел совершенно отчетливо.

«Это в самом деле привидение», — сказал я себе (во всяком случае смотреть на него было не так страшно, как слушать скрип на лестнице). В комнате стало холодно, как во всех рассказах о привидениях, из всех углов сквозило, и привидение вдруг чихнуло.

Дорогие читатели, не знаю, как вы при этом почувствовали бы себя, но я с этой минуты начал относиться к нему с меньшим

уважением; я выполз из-под кровати (между прочим, привидение уже и так заметило меня) и вежливо сказал:

— Будьте здоровы!

— Сам будь здоров, — сердито ответило привидение. — Призраки ущелий жалуются в эту мрачную злосчастную ночь!

— Не могу ли я вам чем-нибудь помочь? — спросил я.

— В такую злосчастную ночь, — угрюмо продолжало привидение, — скрипят забытые кости на морском берегу.

— Чьи кости? — удивился я.

— *Забытые кости*, — ответило привидение. — Бледно-желтый ужас скалит зубы над залятым островом. Берегитесь, смертные, я вернусь в пятницу, тринадцатого сего месяца.

Тут привидение распрямилось и, бросив на меня устрашающий взгляд, улетело через полуоткрытую дверь, но прежде ударилось макушкой о притолоку и крикнуло: «Ой! Гоп-ля-ля!», потом скользнуло вниз по лестнице, вылетело на лунный свет и трижды взвыло, будто гиена. Но было уже слишком поздно, чтобы произвести впечатление.

Я видел, как привидение растворилось в дымке тумана, плывущего над морем, и вдруг расхохотался. Теперь у меня был сюрприз

для колонистов! Теперь я мог совершить такое, чего никто не посмел бы сделать!

В пятницу, тринадцатого, незадолго до полуночи я повел колонистов на берег моря. Был тихий и спокойный вечер. Я приготовил на берегу скромный ужин: суп, хрустящие хлебцы и апельсиновый сок (на всех перекрестках стояли бочки с соком, и каждый мог наливать себе сколько хочет). На фарфоровой посуде я нарисовал черным велосипедным лаком скрещенные кости.

— Ты мог бы взять у меня немножко красной краски, — сказал Шнырёк, — или желтой и голубой. Извините, конечно, но так было бы веселее.

— Я и не собирался делать веселее, — сдержанно ответил я. — Сегодня ночью вы увидите здесь такие страшные вещи, что и представить себе нельзя. Будьте готовы ко всему.

Юксаре сказал, глядя в тарелку:

— По вкусу это напоминает уху. Какая это рыба? Плотва?

— Морковь, — отрезал я. — Ешь давай. Ешь! Ты считаешь, что привидения — это что-то совсем обыкновенное?

— А... Так вот оно что. Ты будешь рассказывать истории про привидения?

— Я люблю слушать про привидения! — воскликнула Дочь Мюмлы. — Мама по вечерам всегда рассказывает нам страшные истории и под конец сама так пугается, что мы полночи ее успокаиваем. А с дядей моим по материнской линии бывает еще хуже. Один раз...

— Я говорю совершенно серьезно, — перебил я ее сердито. — Зачем рассказывать о привидениях?.. Да клянусь своим хвостом! Я покажу вам привидение! Настоящее! Что вы тогда скажете? — И я победоносно посмотрел на них.

Дочь Мюмлы захлопала, а Шнырёк со слезами на глазах прошептал:

— Миленький тролль, не надо!

— Ну ради тебя я вызову очень маленькое привидение, — успокоил я его.

Юксаре перестал есть и уставился на меня с удивлением, я бы даже сказал — с восхищением! Я достиг цели: спас свою честь и свой авторитет! Но, дорогие читатели, вы можете представить себе волнение, охватившее меня перед тем, как часы пробили двенадцать. Вернется ли привидение? Будет ли оно достаточно устрашающим? А вдруг оно будет чихать, болтать всякую чепуху и испортит все впечатление?

Типичная черта моего характера — любой ценой производить впечатление на окружающих: вызывать восторг, сострадание, страх или любые другие чувства, представляющие для меня интерес. Возможно, это происходит оттого, что в детстве меня никто не понимал.

Однако, когда полночь приблизилась, я вскарабкался на утес, поднял мордочку к луне, принялся делать магические жесты лапами и издал вой, который должен был пронять всех до мозга костей. Иными словами, я вызывал привидение.

Колонисты сидели как зачарованные, охваченные напряженным ожиданием, лишь в яс-

ных водянистых глазах Юксаре я увидел иронию и искорку недоверия. Я и сегодня чувствую глубокое удовлетворение тем, что произвел впечатление на Юксаре. Ведь привидение явилось. Оно в самом деле было прозрачное, без тени, и тут же начало говорить о забытых костях и привидениях из ущелья.

Шнырёк закричал и спрятал голову в песок. А Дочь Мюмлы подошла к привидению, протянула ему лапку и сказала:

— Привет! Как приятно увидеть настоящее привидение. Не хочешь ли попробовать нашего супу?

Никогда не знаешь, какой номер могут выкинуть мюмлы!

Конечно, привидение оскорбилось. Оно растерялось, съежилось, сморщилось и исчезло, превратившись в печальное колечко дыма. Юксаре начал смеяться, и я уверен, что привидение слышало это. В общем, ночь была испорчена.

Но колонистам пришлось дорого заплатить за свою непростительную бестактность. Последующую неделю просто трудно описать. Никто из нас не мог спать по ночам. Привидение нашло железную цепь и звякало ею до четырех утра, нас будил крик совы, вой гиены, шаркающие шаги и стук в двери; мебель начала прыгать по комнате и ломаться.

Колонисты были недовольны.

— Убери свое привидение, — сказал Юксаре. — По ночам я хочу спать!

— Никак не могу, — серьезно пояснил я. — Если привидение вызовешь хоть раз, потом приходится его терпеть.

— Шнырёк плачет, — упрекал меня Юксаре. — Привидение нарисовало череп на банке из-под кофе и написало внизу: ЯД.

— Какое ребячество, — ответил я.

— И потом, Фредриксон рассердился. Твое привидение понаписало всякие угрозы на «Морском оркестре» и ворует его стальные пружинки!

— В таком случае, — взволнованно воскликнул я, — нужно принимать какие-то меры! И немедленно!

Я быстренько сочинил обращение и повесил его на двери навигационной каюты. Оно гласило:

«Уважаемое привидение!

По ряду причин в следующую пятницу перед заходом солнца состоится собрание привидений. Все жалобы принимаются во внимание.

Королевская Вольная колония.

Примечание:

Никаких цепей с собой не брать».

Я долго колебался, как подписать: Королевская колония или Вольная колония. Под конец решил написать и то и другое. Это придавало подписи определенное равновесие.

Ответное письмо, написанное красной краской на пергаменте (пергамент оказался старым дождевиком Фредриксона), было прибито к двери хлебным ножом Мюмлы-мамы.

«Роковой час настал, — писало мое милое привидение. — В пятницу, но ровно в полночь, в этом пустынном краю раздастся одинокий вой собаки Смерти! Вы, тщеславные слизняки, заройтесь носами в землю, которая загудит от тяжелых шагов Невидимки, ибо ваша Судьба начертана кровью на стене Гробницы! Если я захочу, то все равно прихвачу с собой железную цепь.

Привидение по прозвищу Страшила».

— Ясно, — сказал Юксаре, — видно, ему нравится слово «судьба».

— Ты давай не смейся на этот раз, — строго сказал я. — Вот так-то оно и бывает, когда ни к чему на свете не испытываешь уважения!

Мы послали Шнырька пригласить Фредриксона на свидание с привидением!

Конечно, я и сам мог бы пойти, но я помнил слова Фредриксона: «Я не могу показать тебе *это*, пока оно не будет готово. Ты пришел слишком рано. Мне немножко некогда». Он сказал это, как всегда, вежливо, но каким-то ужасно чужим голосом.

Привидение явилось точно в двенадцать и известило о своем приходе, трижды издав протяжный вой.

— Я здесь! — заявило оно. — Трепещите, смертные, час отмщения забытых костей настал!

— Привет! Привет! — сказал Юксаре. — Что ты все воешь о каких-то старых костях? Чьи это кости? Почему ты само с ними не разберешься?

Я пнул Юксаре по лодыжке и вежливо сказал:

— Приветствую тебя, призрак ущелий! Как поживаешь? Бледно-желтый ужас, оскалив зубы, глядит на заклятый берег.

— Перестань меня передразнивать! — разозлилось привидение. — Эти слова позволено говорить одному мне!

— Послушай-ка, — сказал Фредриксон, — дай нам спать спокойно. Пугай кого-нибудь другого, ладно?

— Да все другие уже привыкли ко мне, — утрюмо ответило привидение. —

Даже дронт Эдвард больше не боится меня.

— А я боюсь! — крикнул Шнырёк. — Я все ещё боюсь!

— Очень любезно с твоей стороны! — сказала привидение и поспешно добавило: — Зброшенный караван скелетов воет под ледяным желто-зеленым светом луны!

— Дорогое привидение! — ласково сказал Фредриксон. — По-моему, у тебя нервы немного не в порядке. Давай договоримся: ты обещаешь пугать кого-нибудь в другом месте, а я научу тебя, как можно пугать по-другому. Идет?

— Фредриксон здорово придумывает всякие страшные штуки! — воскликнула Дочь Мюмлы. — Ты даже представить себе не можешь, что можно сделать из фосфора и тонкой жести! Можно до смерти напугать дронта Эдварда!

— И Самодержца, — добавил я.

Привидение заколебалось.

— Можешь занять свою собственную туманную сирену, — пообещал Фредриксон. — Умеешь делать фокус с просмоленными нитками?

— Нет. А как это? — заинтересовалось привидение.

— Берешь обыкновенные нитки потолще, — пояснил Фредриксон, — не тоньше двадцатого номера. Привязываешь их к чьим-нибудь ногам. Спрячешься и натираешь нитки смолой... Вой поднимается страшный.

— На мой дьявольский глаз, ты ужасно симпатичный! — воскликнуло привидение и, свернувшись клубочком, улеглось у ног Фредриксона. — Может, ты и скелет раздобудешь? Так ты говоришь — из тонкой жести? У меня она есть. А как это делается?

До рассвета Фредриксон объяснял, как можно всех пугать, и чертил разные конструкции на песке. Ему явно нравилось это ребяческое занятие.

Утром Фредриксон отправился обратно в парк Сюрпризов, а мое привидение мы избрали в члены Королевской Вольной колонии с присвоением почетного титула «Страх на острове Ужасов».

— Послушай-ка, привидение, — сказал я. — Хочешь жить у меня в доме? Мне немного скучно одному. Ясное дело, я вовсе не трус, но иногда по ночам бывает страшновато...

— Клянусь адскими собаками, — начало привидение и стало едва видимым от злости. Но сразу же успокоилось и сказа-

ло: — Да, пожалуйста, это очень любезно с твоей стороны.

Я устроил привидению постель в ящичке из-под сахара, а чтобы ему было уютнее, выкрасил ящик в черный цвет и украсил его бордюриком из скрещенных костей. На обеденной миске я (к большому удовольствию Шнырька) написал: ЯД.

— Ужасно уютно, — сказала привидение. — Ничего, если я погремлю немножко в полночь? У меня это уже как бы вошло в привычку.

— Пожалуйста, греми, — ответил я, — только не дольше пяти минут, и не сломай трамвайчик из пенки! Он очень ценный.

— Ну ладно, пять минут, — согласилось привидение. — Но за ночь летнего солнцестояния я не отвечаю.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА,

**в которой я описываю триумфальное открытие
преображенного «Морского оркестра» и
богатое приключениями экспериментальное
погружение в морскую глубину.**

Вот и миновал день летнего солнцестояния (между прочим, в этот день родилась младшая дочь Мюмлы-мамы — Мю. Ее имя значит «самая маленькая на свете»). Цветы распустились, созрели яблоки, поспели и были съедены другие вкусные фрукты, и я, сам не зная, как это случилось, впал в опасную будничность. Дело зашло так да-

леко, что я даже посадил бархатцы на командирском мостике навигационной каюты и начал играть со Шнырьком и Самодержцем в пуговицы.

Ничего необыкновенного не происходило. Мое привидение сидело в углу возле кафельной печки и вязало шарф и чулки — весьма полезное занятие для привидения, у которого плохие нервы. Вначале ему в самом деле удавалось пугать подданных короля, и оно было вполне счастливо, но потом привидение заметило, что подданным нравится, когда их пугают, и перестало этим заниматься.

Дочь Мюмлы выдумывала небылицы, одну увлекательнее другой, и ей каждый раз удавалось обмануть меня. Один раз она пустила слух, что дронт Эдвард нечаянно растоптал Самодержца! Я, к сожалению, привык всем верить и очень обижаюсь, когда узнаю, что меня обманули и что надо мной насмеются. Когда я что-нибудь сильно *преувеличиваю*, я всегда сам в это верю!

Иногда к нам на отмель являлся дронт Эдвард и по старой привычке ругал нас. Юксаре отвечал ему тем же. А вообще-то Юксаре был ужасным бездельником: ел да спал, загорал, хихикал вместе с Мюмлой-мамой и лазил по деревьям. Сначала он перелезал через каменные стены, но, когда

узнал, что это не запрещается, заниматься этим ему быстро надоело. Тем не менее он уверял, будто чувствует себя здесь отлично.

Иногда я видел, как мимо проплывают хатифнатты, и после этого ходил грустный целый день.

За это время я стал ужасно беспокойным, мне вдруг до смерти надоела эта благополучная однообразная жизнь и захотелось, так сказать, отчалить отсюда.

И наконец такая возможность представилась.

У дверей навигационной каюты появился Фредриксон, на голове у него была новенькая капитанская фуражка, на которую он нацепил два позолоченных крылышка!

Я бросился опрометью вниз по лестнице.

— Привет, Фредриксон! — закричал я. — Ты заставил его летать?!

Он помахал ушами и кивнул.

— Ты рассказал об этом кому-нибудь? — спросил я. Сердце у меня сильно колотилось.

Он покачал головой.

И в ту же секунду я снова стал искателем приключений, жажда приключений вернулась ко мне, я чувствовал себя большим, сильным и красивым! Ведь Фредриксон пришел ко мне первому рассказать, что

изобретение готово! Даже Самодержец еще не знал об этом.

— Скорее! Скорее! — закричал я. — Давайте укладывать вещи! Я раздам свои бархатцы. Подарю свой дом! Ах, Фредриксон, меня просто распирает от всяких идей и ожиданий!

— Это хорошо, — сказал Фредриксон. — Но сначала будет торжественное открытие и экспериментальный полет. Мы же не можем допустить, чтобы король лишился праздника.

Экспериментальный полет должен был начаться в тот же день. Преображенный речной пароход, накрытый красной тканью, стоял на помосте перед тронем Самодержца.

— Черное покрывало было бы куда наряднее, — заметило привидение и принялось вязать с таким остервенением, что нитки закрипели. — Или кисея, серая, как полуночный туман. Ну знаете, цвет ужаса.

— Надо же такое болтать! — сказала Мюмла, которая пришла сюда, прихватив с собой всех своих детей. — Здравствуй, дорогая дочка! Ты уже видела своих самых младших братьев и сестричку?

— Милая мамочка, значит, у меня опять появились новенькие братцы и сестрички? — спросила Дочь Мюмлы. — Скажи

им, что их старшая сестра — принцесса Королевской Вольной колонии — полетит вокруг луны на летающем речном пароходе.

Братцы шаркнули лапкой, а сестрички поклонились и уставились на нее.

Фредриксон залез под покрывало, чтобы проверить, все ли в порядке.

— Что-то застряло в выхлопной трубе, — пробормотал он. — Юксаре! Поднимись на борт и пусти в ход большую щетку!

Через минуту заработала большая щетка, и из выхлопной трубы полилась какая-то каша и брызнула Фредриксону в глаза.

— Что за ерунда, — оторопел он. — Овсяная каша!

Дети Мюмлы закричали от радости.

— Извините, — сказал, чуть не плача, Шнырёк. — Я вылил остатки завтрака в чайник, а не в выхлопную трубу!

— В чем дело? — недовольно спросил Самодержец. — Можем Мы начинать Нашу торжественную речь или вы еще не готовы?

— Да это все моя малышка Мю, — восторженно пояснила Мюмла. — Это же такое необыкновенное дитя! Вылить кашу в выхлопную трубу! Надо же такое придумать!

— Успокойтесь, мадам, — довольно холодно сказал Фредриксон.

— Так Мы можем начинать или нет? — спросил король.

— Начинайте, Ваше величество, — ответил я.

Громко запищала туманная сирена, потом приблизился Добровольный оркестр хемулей, и Самодержец под ликующие крики собравшихся уселся на трон. Когда все замолчали, он сказал:

— Наш бестолковый старый народ! Сейчас подходящий случай сказать несколько глубокомысленных слов. Взгляните на Фредриксона, Нашего Придворного Изобретателя. Он приготовил Нам самый большой сюрприз. Это нечто, предназначенное для передвижения по земле, по воде и по воздуху. Задумайтесь над этой смелой идеей. Вот вы нюхаете табак в своих норах, что-то грызете, в чем-то роетесь, хлопчете не по делу и болтаете чепуху. А ведь Мы по-прежнему ожидаем от вас больших дел, Наши злосчастные, невезучие возлюбленные подданные. Постарайтесь придать немного блеска и славы Нашим холмам, а если вам это не под силу, то прокричите, по крайней мере, «ура!» герою дня!

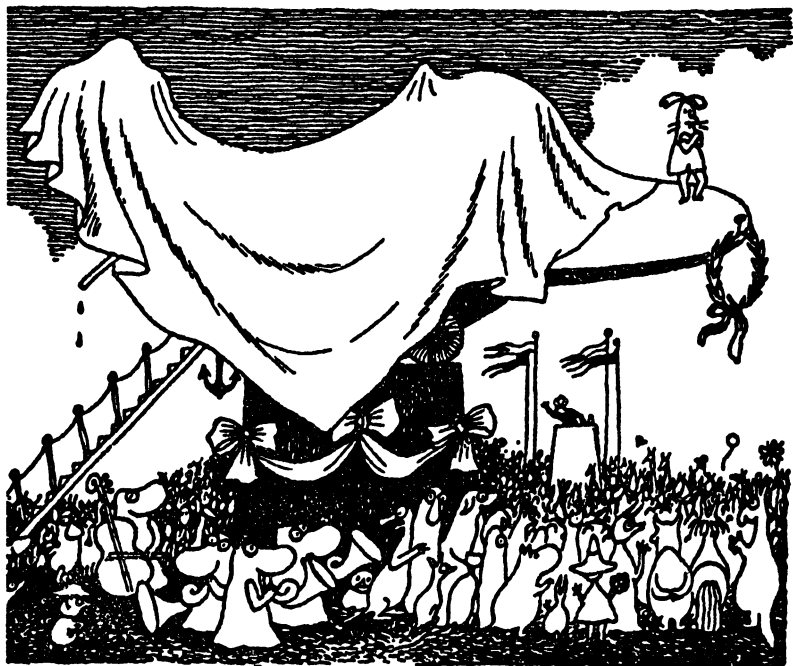
Грянуло дружное «ура!» — да так, что земля задрожала.

Хемули заиграли Королевский праздничный вальс, и, осыпанный дождем роз и японских жемчужин, вперед вышел Фредриксон и дернул за шнур.

Какое мгновенье! Покрывало медленно сползло с парохода. Перед нами была чужая, странная, крылатая металлическая машина! Мне стало ужасно грустно. Но тут я внезапно увидел нечто такое, что примирило меня с преображенным речным пароходом: на нем ярко-синей краской было выведено прежнее название — «Морской оркестр»!

Добровольный оркестр хемулей грянул гимн Самодержцу, ну вы же его знаете, с припевом: «Теперь-то все вы удивились, ха-ха-ха!» Мюмла растрогалась до слез, Фредриксон надвинул фуражку на уши и поднялся на борт в сопровождении Королевской Вольной колонии (дождь роз и японских жемчужин продолжал сыпаться на нас), и тут же к пароходу кинулись дети Мюмлы.

— Извините! — вдруг закричал Шнырёк и спрыгнул вниз со сходней. — Я не решаюсь! Подняться в воздух? Меня снова укачает!

Он моментально нырнул в толпу и исчез. В то же мгновение машина вздрогнула и зарычала. Дверцы плотно захлопнулись, и «Морской оркестр» нерешительно заерзал назад и вперед на помосте. В следующую секунду он так сильно качнулся, что я упал навзничь.

Когда я робко глянул в окно, то увидел, что мы плывем над верхушками деревьев парка Сюрпризов.

— Он летит! Летит! — закричал Юксаре.

Я не нахожу слов, чтобы передать удивительное чувство, охватившее меня, когда мы парили над землей. Хотя я вполне доволен тем, так сказать, предначертанием, которое судьба определила мне, я вынужден признать, что летать мне не дано. В тот момент я внезапно ощутил себя легким и элегантным, как ласточка, все на свете заботы покинули меня, я был быстр, как молния, и непобедим. Прежде всего мне доставляло несказанное удовольствие смотреть вниз на тех, кто остался на земле или с испугом и восхищением пялился на меня. Это был прекрасный, но, к сожалению, короткий миг.

«Морской оркестр», описав мягкую дугу, опустился вниз и, нацепив усы из белой пены, скользнул по морю у берега Самодержца.

— Фредриксон! — закричал я. — Давай полетим!

Он поглядел на меня невидящим взглядом, глаза у него были очень голубые, и весь он светился каким-то тайным торжеством. «Морской оркестр» погружался прямо в море. Пароход наполнился зеленым прозрачным светом, а за окнами иллюминаторов поплыли, кружась, стаи пузырьков.

— Сейчас мы погибнем, — сказала малышка Мю.

Я прижал нос к стеклу и глядел в море. «Морской оркестр» зажег гирлянду лампочек в средней части судна. Они выпускали в темноте морской пучины слабый дрожащий свет.

Я вздрогнул. Вокруг ничего, кроме зеленого мрака, мы плыли в вечной ночи и полной пустоте. Фредриксон выключил мотор, и мы бесшумно заскользили вниз, опускаясь все ниже и ниже. Все молчали. Откровенно говоря, мы немного испугались.

У Фредриксона уши от радости стояли торчком. На нем была новенькая капитанская фуражка, украшенная двумя маленькими серебряными плавниками.

В этой невыносимой тишине я постепенно стал различать странный шепот, который становился все отчетливее и громче.казалось, тысячи испуганных голосов шептали снова и снова одни и те же слова: «Морская собака, морская собака, морская собака...»

Дорогие читатели, попробуйте произнести много раз: «Морская собака» — предостерегающе и очень медленно, — вам станет страшно!

Теперь мы могли различить множество маленьких теней, выплывших из темноты. Это были рыбы и морские змеи, и у каждой из них на голове был прикреплен фонарик.

— Почему они не зажигают свои фонарики? — удивилась Мюмла.

— Может, батарейки кончились, — сказала ее дочь. — Мама, а кто такая морская собака?

Рыбы подплывали вплотную к «Морскому оркестру» и с большим любопытством осматривали его и непрерывно повторяли два страшных слова.

— Плохо дело, — сказал Юксаре. — У меня скверное предчувствие! Я нюхом чую, что они *не осмеливаются* зажечь лампочки. Подумать только, запретить им зажигать лампочки, которые они несут на голове!

— Может, это морская собака запретила им, — прошептала Дочь Мюмлы, сама не своя от любопытства. — У меня была тетка по материнской линии, которая никак не осмеливалась зажечь примус, а когда она все же решилась, все взлетело на воздух вместе с ней!

— Сейчас мы сгорим, — сказала малышка Мю.

Рыбы подплывали все ближе. Они плотной стеной обступили «Морской оркестр» и таращили глаза на наши лампочки.

— Может быть, они что-то хотят нам сказать? — спросил я.

Тогда Фредриксон включил свой беспроводный слуховой аппарат. Сначала послышалось шипение, потом раздался тисчаголосый жалобный вой:

— Морская собака! Она приближается, вот она все ближе и ближе... Погаси свет! Погаси свет! Тебя съедят... Сколько ватт у тебя, бедняга кит?

— Да будет мрак, да будет мрак, — сказала одобрительно мое привидение. — Роковая ночь окутывает кладбище своим покрывалом, черные пустынные гавани ропщут.

— Тише... — шикнул на него Фредриксон. — Я что-то слышу...

Мы замерли. Откуда-то издалека доносилось слабое постукивание, словно пульс, нет, скорее, это были шаги, как будто кто-то приближался к нам большими пружинистыми прыжками. В один миг все рыбы исчезли.

— Сейчас нас съедят, — пропищала малышка Мю.

— Я, пожалуй, уложу малышкой, — решила Мюмла. — Ну-ка быстро в постель!

Дети послушно встали в круг и стали помогать друг другу расстегивать пуговицы на спине.

— Посчитайте друг друга сами, — сказала мама. — Я сегодня что-то немного не в себе.

— А ты нам считаешь вслух? — закричали малыши.

— Ну ладно, — согласилась Мюмла. — На чем мы в прошлый раз остановились?

Дети затрубили в один голос:

— ...это... кровавое... дело... одноглазого... Боба... промолвил... полицейский инспектор... Твигс... и... вытащил... трехдюймовый... гвоздь... из... уха... убитого... это... должно быть... случилось.

— Хорошо, хорошо, — сказала Мюмла. — Только давайте побыстрее...

Странные звуки все нарастали. «Морской оркестр» беспокойно качался, а слуховой аппарат шипел, как кошка. Я почувствовал, как шерсть у меня на затылке встала дыбом, и закричал:

— Фредриксон! Погаси лампочки!

Но прежде чем погас свет, мы успели мельком увидеть чудовище. Морская собака была отвратительна — может быть, это нам показалось именно потому, что мы лишь мельком увидели ее. Но мое воображение нарисовало потом в темноте поистине что-то ужасное.

Фредриксон включил мотор, но, очевидно, он был сильно взволнован и не мог управлять судном. Вместо того чтобы подниматься, «Морской оркестр» стремительно пошел вниз.

На дне он пустил в ход свои гусеничные ноги и пополз по песку. По нашим окнам скользили водоросли, будто что-то нащупывающие руки. Во мраке и тишине слышалось тяжелое дыхание собаки. Вот среди морской травы показалась серая тень. Ее желтые глаза испускали два луча, которые обшаривали, словно прожекторы, борт нашего судна.

— Все под одеяло! — скомандовала Мюмла своим детям. — И не высовывайтесь до тех пор, пока я не разрешу!

В то же мгновение на корме послышался страшный хруст — морская собака принялась грызть руль.

В ту же минуту огромная волна подняла и опрокинула «Морской оркестр» вверх тормашками. Водоросли стлались по дну, словно разлетающиеся волосы, а вода бурлила, как в котле. Нас швыряло из стороны в сторону. Дверцы шкафов распахнулись, оттуда вылетела посуда и все остальное: крупа, башмаки мюмлиных малышей, вязальные спицы привидения и, что самое неприятное, опрокинулась банка с табаком

Юксаре. И все вещи в туче табака исполняли жуткий танец. И тут из морского мрака послышался вой, от которого встали дыбом шерстинки на хвосте у каждого из нас.

Потом наступила тишина, леденящая кровь тишина.

— Мне больше нравится летать, — откровенно заявила Мюмла, — а не нырять. Интересно, сколько малышей у меня осталось? Посчитай их, милая доченька!

Но едва Дочь Мюмлы начала считать, как громовой голос проревел:

— Так вот вы где, морровы дети! Семьсот пещер в моей маленькой пещере! Никак вы думали, что сумеете скрыться от меня

на дне морском? От меня не спрячетесь! Не спрячетесь от того, кому вы всегда забываете сказать «до свидания»!

— Кто это? — воскликнула Мюмла.

— Отгадай до трех раз, — засмеялся Юксаре.

Фредриксон включил свет, и тут дронт Эдвард сунул голову в воду и поглядел в иллюминатор на всю нашу компанию. Мы старались держаться как ни в чем не бывало и вдруг увидели, что в воде плавают клочья шерсти, обрывки хвоста и усов, какое-то месиво. Это было все, что осталось от морской собаки. Дронт Эдвард раздавил ее всмятку.

— Эвард! Дружище! — радостно закричал Фредриксон.

— Этого мы никогда не забудем, — заявил я. — Ты спас нас в последнюю минуту!

— Малыши, поцелуйте дядю! — воскликнула Мюмла, растроганная до слез.

— О чем вы говорите? — удивился дронт Эдвард. — Держите своих детей. Они еще вздумают залезть мне в уши. Вы становитесь все хуже и хуже! Скоро даже и съесть-то вас не захочется. Я чуть вконец не искалечил себе пальцы на ногах, пока разыскивал вас, а теперь вы пытаетесь улизнуть от ответственности и подхалимничаете!

— Ты растоптал морскую собаку! — крикнул Юксаре.

— Что ты говоришь! — воскликнул дронт Эдвард, подпрыгивая. — Опять я

кого-то растоптал! Как раз сейчас, когда мне не на что устраивать похороны... Я тут ни при чем, поверьте мне! — И, вдруг разозлившись, закричал: — Между прочим, что это вы позволяете своим старым псам путаться у меня под ногами? Сами виноваты!

И, глубоко оскорбленный, побрел от нас по воде. Сделав несколько шагов, он оглянулся и сказал:

— Завтра утром я приду к вам выпить кофейку. И чтоб он был крепкий!

И вдруг — еще один сюрприз — все морское дно осветилось.

— Мы опять горим, — сказала малышка Мю.

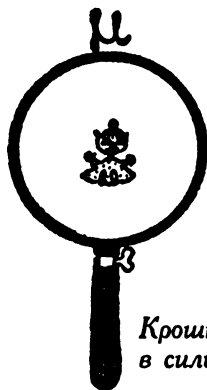
Но это огромные стаи рыб плыли к нам, сверкая множеством огней: зажженными карманными фонариками, судовыми и штормовыми фонарями, обычными лампочками накаливания и карбидными лампами, а у некоторых рыб возле каждого уха висели даже крошечные настенные лампы. И вся рыба компания была вне себя от радости и благодарности.

Море, недавно такое мрачное, теперь светилось всеми цветами радуги, ковры из морской травы стали голубыми, и на них ярко выделялись фиолетовые, красные и

ярко-желтые анемоны, и морские змеи стояли от радости на голове.

Наше возвращение было триумфальным. Мы бороздили море вдоль и поперек — и мимо наших иллюминаторов проплывали мириады морских звезд.

Лишь с наступлением утра мы, вялые и сонные, подошли к острову Самодержца.

*Крошка Мю
в сильном увеличении*

ВОСЬМАЯ ГЛАВА,

в которой я сообщаю обстоятельства свадьбы

Шнырька, легкой лапой касаюсь своей драматической встречи с мамой Муми-тролля и под конец глубокомысленно завершаю свои мемуары.

В десяти милях от берега мы заметили лодку, которая подавала флагом сигнал бедствия.

— Это, наверное, Самодержец! — воскликнул я. — Неужто там произошла революция в такую рань? (Это не похоже на его подданных.)

— Революция? — спросил Фредриксон и прибавил скорость. — Как бы чего не случилось с моим племянником!

— Как дела? — крикнула Мюмла, когда мы притормозили у королевской лодки.

— Дела? — крикнул в ответ Самодержец. — Я хочу сказать, дела идут совсем не так, как надо. Вы немедленно должны вернуться домой.

— Наконец-то забытые кости воззвали к отмщению, — угрожающе пробурчало привидение.

— Это все ваш маленький Шнырёк на-творил, — сказал, отдуваясь, король и вскарабкался на борт. — Кто-нибудь, позаботьтесь о лодке. Мы собственной персоной изволили отправиться за вами, потому что вовсе не надеемся на Наших подданных.

— А при чем здесь Шнырёк? — воскликнул Юксаре.

— Да при том, — сказал король, — что Мы очень любим свадьбы, но пустить семь тысяч клипдассов и злую тетку Хемулихи на королевский праздник Мы не можем!

— А кто собирается жениться? — заинтересовалась Мюмла.

— Мы ведь уже изволили сказать! Шнырёк! — ответил Самодержец.

— Невероятно, — не поверил Фредрик-сон.

— Да, да, да, женится прямо сейчас! — нервно утверждал Самодержец. — На зверюшке Сос (да прибавьте же вы скорости!). Они влюбились друг в друга

с первого взгляда, обменялись пуговицами, носились вдвоем как угорелые, дурачились, а потом послали телеграмму своей тетке (хотя я слышал, что ее съели) и семи тысячам клипдассов и пригласили их на свадьбу. И Мы готовы съесть Нашу собственную корону, если эти клипдассы не изгрызут и не перероют все королевство!

— Может, это они *тетку Хемулихи* пригласили на свадьбу? — спросил я, потрясенный.

— Да, что-то вроде этого, — мрачно отвечал он. — Какая-то тетка, у которой половина носа, и к тому же она презлющая.

Мы любим сюрпризы, но предпочитаем устраивать их сами.

Мы приблизились к берегу.

На самой оконечности мыса стоял в ожидании Шнырёк, а рядом с ним — зверюшка Сос. «Морской оркестр» причалил к берегу, и Фредриксон швырнул канаты несколькими подданным, которые стояли и любовались нами.

— Ну-у! — сказал он.

— Извините! — воскликнул Шнырёк. — Но я женился.

— А я вышла замуж! — прошептала Сос и поклонилась.

— Но ведь Мы велели вам подождать до обеда, — принялся сетовать Самодержец. — Теперь веселая свадьба не получится!

— Извините, но мы никак не могли ждать так долго, — сказал Шнырёк. — Мы так влюблены друг в друга!

— Ах, дорогие мои! — закричала Мюмла и, всхлипывая, бросилась вниз по сходням. — Поздравляю! До чего же она хорошенькая, эта зверюшка Сос. Поздравьте их, дети, они поженились!

Но тут Снифф прервал чтение Мумипапы. Он резко поднялся и сказал:

— Стоп!

— Папа читает нам про свою юность, — с упреком сказал Муми-тролль.

— И про молодость моего папы, — подчеркнул Снифф с неожиданной важностью. — Я уже столько слышал про Шнырька, но ни слова про *зверюшку Сос!*

— А я и забыл про нее, — пробормотал Муми-папа. — Она попала в мою книгу только теперь...

— Ты забыл про мою маму? — закричал Снифф.

Дверь отворилась, и в спальню заглянула Муми-мама.

— Вы не спите? — спросила она. — Мне показалось, кто-то звал маму.

— Это я! — воскликнул Снифф и соскочил с кровати. — Подумать только! Твердят тебе все время про разных пап, пап, пап, а потом ты вдруг безо всякого предупреждения узнаешь, что у тебя и мама тоже была!

— Так ведь это вполне естественно, — удивилась Муми-мама. — Насколько я понимаю, у тебя была прекрасная мама с большой коллекцией пуговиц.

Снифф строго взглянул на Муми-папу и сказал:

— Правда?

— У нее была масса пуговичных коллекций. И еще камни, ракушки, бусин-

ки — все что угодно! И, между прочим, она была сюрпризом!

Снифф задумался.

— Если говорить о мамах, — сказал Снусмумрик, — так что было с этой Мюм-лой? И у меня тоже была мама?

— Конечно, — ответил Муми-папа. — И к тому же очень славная мама.

— Тогда, значит, малышка Мю моя родственница? — удивленно воскликнул Снусмумрик.

— Ну ясное дело, ясное дело! — сказал папа. — Только не прерывай меня. Ведь это мои мемуары, а не справочник о родственницах!

— Можно ему читать дальше? — спросил Муми-тролль.

— Пусть читает, — сказали Снифф и Снусмумрик.

— Спасибо! — с облегчением сказал папа и продолжал читать.

Шнырёк и Сос получали подарки целый день. Под конец банка из-под кофе была наполнена, и тогда они принялись складывать пуговицы, камешки, ракушки, обивочные гвозди и прочее (что я не берусь перечислить) в одну кучу на скале.

Шнырёк держал Сос за лапку и был сам не свой от счастья.

— Ужасно приятно быть женатым, — сказал он.

— Возможно, — ответил Фредриксон. — Однако послушай-ка, вам обязательно надо было приглашать тетку Хемулихи? И клипдассов?

— Извините, но ведь они расстроились бы, если бы им не удалось побывать на свадьбе, — сказал Шнырёк.

— Да, но пригласить тетку, тетку! — закричал я.

— Знаешь что, — ответил откровенно Шнырёк, — я не так уж сильно по ней соскучился! Но извини меня! Меня мучает совесть. Ведь это я пожелал тогда, чтобы кто-нибудь был так любезен и съел ее!

— Гм, — заметил Фредриксон. — В этом что-то есть.

Ко времени прихода пакетбота на холмах и берегах столпились подданные Самодержца. Его величество сидел под балдахином на троне, установленном на самом высоком холме, готовый подать знак Добровольному оркестру хемулей.

Шнырёк и Сос сидели в свадебной лодке в виде лебедя.

Все были очень взволнованы и обеспокоены, потому что весть о тетке Хемулихи и о ее нраве облетела всю страну. Кроме того, были все основания бояться, что клипдассы погубят все государство и объедят лес в парке Сюрпризов. Однако никто ни слова не сказал об этом, ни слова новобрачным, которые тем временем со спокойной совестью обменивались пуговицами.

— Как ты думаешь, можно ее напугать и выгнать отсюда с помощью фосфора или просмоленных ниток? — спросило мое привидение, которое сидело и вышивало черепа на грелке для чайника — подарок зверюшке Сос.

— Ее этим не проймешь, — мрачно сказал я.

— Она опять примется всех воспитывать, — предсказал Юксаре. — Она может даже запретить нам залечь в спячку, когда наступит зима, и заставит ходить на лыжах.

— А что значит ходить на лыжах? — спросила Дочь Мюмлы.

— Передвигать ноги по замерзшим осадкам.

— Еще чего не хватало! Какой ужас!

— Видно, все мы скоро умрем, — сказала малышка Мю.

В этот момент по толпе пронесся боязливый шепот — пакетбот приближался.

Добровольный оркестр хемулей грянул гимн «Да живет наш бестолковый народец!», и свадебный лебедь отчалил от берега. Несколько мюмлят от волнения плюхнулись в море, туманная сирена завывала, а Юксаре потерял самообладание и убежал.

Мы увидели, что пакетбот пуст, и только тогда поняли, что семь тысяч клипдассов вряд ли могли на нем уместиться. С берегов раздались возгласы, выражавшие одновременно облегчение и разочарование. Единственный маленький клипдасс спрыгнул с лебедя, который быстро плыл к берегу.

— Так как же теперь быть? — спросил Самодержец, который от нетерпения не мог усидеть на троне и прибежал на берег. — *Всего один маленький клипдасс?!*

— Да это же наш старый знакомый! — воскликнул я. — И у него в лапках огромный пакет!

— Стало быть, ее все же съели, — сказал Фредриксон.

— Тихо! Тихо! Тихо! — крикнул король и покрутил ручку туманной сирены. — Дайте дорогу Клипдассу! Ведь он посол!

Толпа расступилась и дала дорогу новобрачным и Клипдассу, который застенчиво

притрусил к нам и положил пакет на землю. Углы пакета были слегка обглоданы, но в целом он выглядел вполне прилично.

— Ну-у-у? — спросил Самодержец.

— Тетка Хемулихи просила передать привет... — сказал Клипдасс и стал беспоянно шарить по карманам своего выходного костюмчика.

Все запрыгали от нетерпения.

— Да поторопись же ты, поторопись! — крикнул король.

Наконец Клипдасс достал скомканное письмо и с важным видом заявил:

— Тетка Хемулихи научила меня писать. Я знаю почти весь алфавит! Все буквы, кроме в, э и ё! Она мне диктовала, а я писал. Вот что она говорит. — Клипдасс перевел дух и начал с трудом читать:

«Дорогие дети!

С огромным сожалением, с чужим угрызением совести и неисполненного долга пишу эти строчки. Я никак не могу приехать на нашу свадьбу, но надеюсь, меня простите за такой отратительный поступок. Поверьте, я польщена и рада, что вы обо мне спрашиваете, я пролила реки слез от досады, что мальчик Шнырек решил жениться. Не знаю, как выразить благодарность за то, что вы

спасли меня и не дали Морре меня съесть, и за то, что ы познакомили меня с очаровательными клипдассами. Должна признаться, что мне с клипдассами ужасно хорошо, даже садебный пир не может ыманить нас из дома. Мы целыми днями играем оспитательные игры и мечтаем о полезной для здоровья зиме с быстрым скольжением по снегу. Чтобы хоть немного обрадовать ас, посылаю садебный подарок, надеюсь, он украсит кофейную банку Шнырька!

Шестьсот деяносто деять приетов от клипдассов.

С благодарностью и любовью.
Тетка Хемулихи».

На холмах все замерло.

— Что такое «отратительный»? — спросил я.

— Ясное дело, отвратительный, — отвечал Клипдасс.

— А тебе нравятся воспитательные игры? — осторожно спросил Фредриксон.

— Ужасно нравятся! — сказал Клипдасс.

Я сел, слегка ошарашенный.

— Будь добр, разверни пакет! — крикнул Шнырёк.

Клипдасс торжественно перегрыз веревочку, и все увидели фотографию тетки Хе-

мулихи в полный рост: тетка Хемулихи — королева клипдассов.

— Нос у нее вовсе не съеден! — воскликнул Шнырёк. — Как я счастлив! Вот здорово!

— Дорогой, взгляни на раму, — сказала Сос.

Мы все взглянули на раму и ахнули. Она была из настоящего испанского золота с розами из топазов и хризолитов по углам. У самой фотографии шла полоска брильянтов (обратная сторона была украшена простенькой бирюзой).

— Как ты думаешь, можно их отковырнуть? — поинтересовалась Сос.

— Конечно, можно! — восторженно крикнул Шнырёк.

И как раз в эту минуту с залива донесся громовой голос:

— Ну! Семьсот пещер в моей маленькой конуре! Я знаю себе жду утреннего кофе, а ни один из вас и не думает угрожать старому Эдварду!

Прошло несколько дней после того, как Муми-папа рассказал о свадьбе Шнырька. Папа сидел с семьей на веранде. Был ветреный сентябрьский вечер. Муми-мама сварила кофе, приготовила бутерброды

с сиропом и по-праздничному украсила дом.

— Ну так что же?.. — с интересом спросила она.

— Сегодня я закончил писать мемуары, — сказал папа. — Заключение будет написано в сорок пять минут седьмого. Я имею в виду последнюю фразу, — вы сами решите, понравится ли вам она.

— А там ничего не будет сказано о том, как ты бродяжничал с хатифнаттами? — спросил Снусмумрик.

— Нет, — ответил папа. — Понимаешь, это будет *поучительная книга*.

— Потому-то и надо было об этом написать! — воскликнул Снифф.

— Ш-ш-ш... — сказала Муми-мама, — а я появлюсь где-нибудь в этой книге? — И при этом ужасно покраснела.

Папа отпил три больших глотка из своего стаканчика и ответил:

— Слушай меня внимательно, сынок, ведь в последнем отрывке рассказывается о том, как я нашел твою маму.

Тут он открыл книгу и стал читать.

Наступила осень, и серые дожди надолго заволокли остров Самодержца густым туманом.

Я был твердо уверен в том, что наш блистательный эксперимент с «Морским оркестром» был только началом большого путешествия в огромный мир. Однако вышло иначе. Это приключение было вершиной в нашей жизни, самым замечательным событием, но без продолжения.

По возвращении домой, когда суматоха, связанная со свадьбой Шнырька, улеглась, Фредриксон начал совершенствовать свое изобретение. Одно изменял, другое при-страивал, прилаживал, шлифовал, чистил, красил то и дело, и под конец «Морской оркестр» стал походить на гостиную.

Иногда Фредриксон устраивал прогулки с Самодержцем или Королевской Вольной колонией, но к обеду всегда возвращался.

Я мечтал отправиться дальше, чахнул от тоски по большому миру, который ждал меня. Дождь лил все сильнее, и все время находилась работа: то надо было чинить руль, электропроводку или канатный люк, то что-нибудь переделывать.

Пришло время штормов.

Дом Мюмлы сдуло ветром, а ее старшая дочь простудилась, оттого что спала на дворе. Дождь накапал и в кофейную банку Шнырька. У одного меня был нормальный дом с хорошей печкой. Что мне оставалось

делать? Разумеется, все они вскоре поселились у меня. Теперь мы жили одной семьей и вели самую обыкновенную жизнь, а мне от этого становилось все скучнее и скучнее.

Не могу описать, как это скверно, когда твои друзья либо женятся, либо становятся королевскими изобретателями. Сегодня ты принадлежишь беспечной компании любителей приключений, готовых отправиться в путь, как только им наскучит оставаться на одном месте. Отправляйся куда только захочешь, перед тобой карта всего мира... и вдруг путешествия перестают их интересовать. Им хочется жить в тепле. Они боятся дождя. Они начинают собирать вещи, которые никуда не поместить. Они говорят только о разных пустяках. Ни на что серьезное они уже решиться не могут. Раньше они прилаживали парус, а теперь строят полочки для фарфоровых безделушек. Ах, можно ли говорить об этом без слез!

Хуже всего было то, что они заразили и меня своим настроением: чем уютнее мне становилось сидеть с ними у камина, тем труднее было стать свободным и смелым, как морской орел. Вы понимаете меня, дорогие читатели? Я сидел взаперти, но все помыслы мои были о свободе, а за окном бушевал шторм и лил дождь.

В тот особенно важный вечер, о котором я сейчас расскажу, погода была прескверная. Крыша дрожала и скрипела, порывы юго-западного ветра рвали на части идущий из трубы дым, дождь сильно стучал по веранде (я переделал капитанский мостик в веранду и пристроил к ней перила с узором в виде сосновых шишек).

— Мама! Ты считаешь нам вслух? — попросили малыши Мюмлы, лежа в кроватках.

— Конечно, считаю, — ответила Мюмла, — на чем мы остановились?

— Полицейский... инспектор Твигс... медленно... подкрался... ближе! — отбарабанили малыши.

— Хорошо, — сказала их мама. — «Полицейский инспектор Твигс медленно подкрался ближе. Что это там блеснуло, дуло револьвера? Полный холодной решимости занести карающий меч правосудия, он скользнул дальше, остановился и снова начал продвигаться вперед...»

Я рассеянно слушал Мюмлу, ведь этот рассказ я знал почти наизусть.

— Эта история мне нравится, — сказала привидение, вышивая узор на мешочке для гвоздей — скрещенные белые кости на черной фланели — и поглядывая на часы.

Шнырёк сидел у каминного огня и держал Сос за лапку. Юксаре раскладывал пасьянс. Фредриксон лежал на животе и

рассматривал картинки в книге «Путешествие по океану». В доме было тепло и уютно. Чем дольше я глядел на все это,

тем беспокойнее становилось у меня на душе. По моим ногам забегали мурашки.

Черные дребезжащие оконные стекла то и дело облизывала морская пена.

— Каково это плыть по морю в такую ночь... — мечтательно сказал я.

— Восемь баллов. Если не больше, — подхватил Фредриксон и продолжал разглядывать волны на картинках.

— Пойду погляжу, какая погода, — пробормотал я и выскользнул за дверь к подветренной стороне дома. С минуту я стоял неподвижно и прислушивался.

Грозный шум волн наполнял мрак, окружавший меня. Я принюхался, прижал уши и подался на наветренную сторону. Шторм, рыча, набросился на меня, и я зажмурил глаза, чтобы не видеть неописуемо страшных сил, вырвавшихся на свободу в осеннюю ночь. Лучше не думать о таких кошмарных вещах...

Впрочем, это был один из немногих случаев, когда я вовсе ни о чем не думал... Я знал лишь, что мне нужно спуститься к берегу, к ревущим волнам, это было волшебное предчувствие, какое в жизни часто приводит к удивительным результатам.

Луна вышла из-за ночных туч, и в ее свете мокрый песок засиял, как металл.

Волны с грохотом бились о берег, словно строй белых драконов, которые, выпустив когти, кидаются на берег, отступают со скрежетом назад, в темноту, и снова возвращаются на берег.

Я и сейчас содрогаюсь от этих воспоминаний!

Что заставило меня наперекор ночи и холоду (а для муми-тролля нет ничего хуже

холода) блуждать в эту знаменательную ночь, которая послала маму Муми-тролля на наш остров? (Ах, свобода, что это за удивительная вещь!)

Уцепившись за дощечку, она плыла по волнам; ее то кидало, словно мяч, в залив, то уносило назад в море.

Я ринулся на отмель, в воду, и закричал изо всех сил:

— Я здесь!

Вот она появилась снова. Она выпустила доску из лапок, и ее несло на гребне волны прямо ко мне. Не моргнув, смотрел я на приближавшуюся ко мне черную стену. Через секунду потерпевшая была в моих объятиях.

С неведомой мне ранее силой я крепко-накрепко уперся ногами в песчаное дно и выбрался на берег. Волны жадно хватали меня за хвост, а я шатался, упирался, боролся и, наконец, положил свою прекрасную ношу на берег, в безопасном от жестокого моря месте. Ах, это было совсем не то что спасти Хемулиху! Ведь теперь это была муми-тролля, как и я сам, но еще красивее, чем я: маленькая троллиха, и я спас ее!

Она села и закричала:

— Где моя сумка? Спасите сумку!

— Вы держите ее в своих лапках, — сказал я.

— Ах, так она при мне! — воскликнула она. — Какая радость...

Тут она открыла ее и, порывшись, извлекла из нее пудреницу.

— По-моему, морская вода испортила пудру, — огорченно сказала она.

— Неважно, вы и без нее прекрасны, — галантно заметил я.

Она взглянула на меня — о, это был неопишуемый взгляд! — и сильно покраснела.

Позвольте мне остановиться на сем столь значительном рубеже моей бурной молодости, позвольте мне закончить свои мемуары на том, как мама Муми-тролля — самая прекрасная из всех муми-троллий — вошла в мою жизнь! После этого она ласковым и всепонимающим взглядом посмотрела на все мои ребячества, а я стал вести себя здраво и разумно, и вместе с тем жизнь моя утратила очарование дикой свободы, которое и заставило меня писать мемуары.

Все это было ужасно давно, но теперь, когда я оживил в памяти эти события, мне кажется, что такое могло бы случиться со мною снова, хотя уже на совершенно иной лад.

Я откладываю в сторону перо, которым писал свои мемуары, твердо уверенный в том, что прекрасная пора приключений наперекор всему не окончена (ведь это было бы довольно печально).

Пусть каждый достойный уважения муми-тролль задумается над моими переживаниями, моим мужеством, здравым смыслом, моими добродетелями (а возможно, и над моими глупостями), — если он еще не принял решения набираться ума-разума из собственного опыта, переживая удивительные приключения и нелегкие испытания, какие выпадут на долю каждого молодого талантливому муми-тролля.

На этом
мемуары
заканчиваются.

Но за этим
следует важный
эпилог.

ЭПИЛОГ

Муми-папа положил перо и молча окинул взглядом свою семью.

— Молодец! — растроганно сказала Муми-мама.

— Молодец, папа, — повторил Муми-тролль. — Теперь ты стал знаменитым.

— Это почему же? — воскликнул, подскочив, папа.

— Все станут читать твои мемуары и решат, что ты знаменитый, — уверенно заявил Муми-тролль.

Писатель весело помахал ушами.

— Может статья! — сказал он.

— Ну а потом, — крикнул Снифф, — что было потом?

— Ах, потом... — папа сделал неуверенный жест, подразумевавший дом, семью,

сад, Муми-дален и вообще все, что идет следом за молодостью.

— Дорогие дети, — робко сказала Муми-мама, — потом *началось* это...

Внезапно веранда задрожала от порыва ветра. Хлынул дождь.

— Каково-то плыть по морю в такую ночь, — пробормотал папа словно про себя.

— Ну а мой папа как же? Юксаре? Что с ними случилось? И что было с мамой? — спросил Снусмумрик.

— А со Шнырьком? — крикнул Снифф. — Куда ты дел моего единственного папу? Уже не говоря про его коллекцию пуговиц и про зверюшку Сос!

На веранде наступила тишина.

И тут, именно в нужный для всей этой истории момент, в дверь постучали. Раздались три сильных коротких стука.

Муми-папа вскочил и закричал:

— Кто там?

Кто-то басом ответил:

— Отвори! Ночь мокрая и холодная!

Муми-папа широко распахнул дверь.

— *Фредриксон!* — крикнул он.

И на веранду действительно вошел Фредриксон, стряхнул с себя дождевики и сказал:

— Привет! Привет! Не сразу мы вас нашли.

— Ты ни капельки не поста-
рел! — восторженно восклик-
нул Муми-папа. — Ах, как за-
мечательно! Ах, какая радость!

Тут послышался глухой голос:

— В такую роковую ночь за-
бытые кости стучат громче, чем
когда-либо! — И из рюкзака

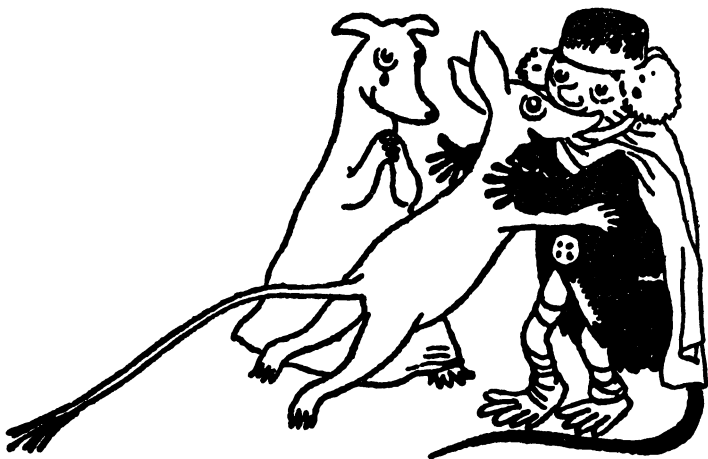

Фредриксона, приветливо улыбаясь, выползло привидение собственной персоной.

— Добро пожаловать! — сказала Муми-мама. — Не хотите ли кофе?

— Спасибо, спасибо, — ответил Фредриксон. — Чашечку мне и чашечку привидению. И еще несколько чашечек тем, кто еще за дверью!

— А там еще кто-нибудь? — спросила Муми-мама.

— Да, там родители пришли. Только они вроде бы стесняются.

Снифф и Снусмумрик выбежали прямо под дождь, и там стояли их папы и мамы, они мерзли, но ужасно стеснялись, оттого что так долго не давали о себе знать. Там стоял Шнырёк и держал за лапку зверюшку Сос, а в больших чемоданах у них лежали обе коллекции пуговиц. Рядом стояли Юксаре с погасшей трубкой во рту, и растроганная до слез Мюмла-мама, и Дочь Мюмлы, и тридцать четыре малыша Мюмлы и, конечно, малышка Мю (которая нисколько не подросла), и когда они все вместе поднялись на веранду, стало так тесно, что стены ее выгнулись наружу.

Эту ночь невозможно описать!

Такого количества вопросов, восклицаний, объятий, объяснений и чашек кофе еще не видела ни одна веранда, а когда папа и мама Сниффа начали раскладывать пуговицы по сортам и тут же подарили сыну половину коллекции, поднялась такая суматоха, что Мюмла собрала своих детей и стала прятать их по шкафам.

— Тихо! — крикнул Фредриксон. — Завтра...

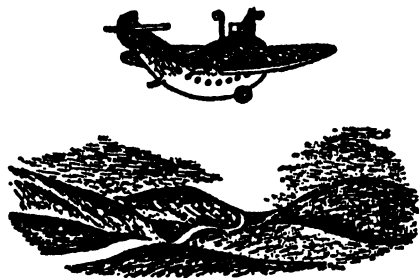
— Завтра, — повторил Муми-папа с юношеским блеском в глазах.

— Завтра мы снова отправляемся на поиски *Приключения*! — крикнул Фредриксон. — Мы улетаем на «Морском оркестре»! Все вместе. Мамы, папы и дети!

— Не завтра, а сегодня ночью! — воскликнул Муми-тролль.

И туманной предрассветной ранью вся компания высыпала в сад. На востоке небо посветлело в ожидании восхода солнца. А оно уже вот-вот должно было взойти, ночь кончалась, и все было готово начаться сначала.

Распахнулись новые ворота в *Невероятное и Возможное*, начался новый день, когда все может случиться, если ты ничего против этого не имеешь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ

5

ПРЕДИСЛОВИЕ

9

ПЕРВАЯ ГЛАВА,

в которой я рассказываю о своем детстве, когда меня никто не понимал, о первом Приключении своей жизни и о потрясшей меня ночи бегства, а также описываю историческую встречу с Фредриксоном.

13

ВТОРАЯ ГЛАВА,

где я ввожу в свои мемуары зверька по имени Шнырёк и Юксаре, представляю читателям дронта Эдварда и даю яркое описание речного парохода «Морской оркестр» и его несравненной команды.

44

ТРЕТЬЯ ГЛАВА,

в которой я запечатлел свой первый славный подвиг — спасение утопающей, его трагические последствия, некоторые свои мысли, а также дал описание повадок клипдассов.

68

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА,

в которой мое морское путешествие достигает своей кульминации в великолепном описании шторма и заканчивается полной неожиданностью.

100

ПЯТАЯ ГЛАВА,

где я (после короткого испытания моей сообразительности) даю описание семьи Мюмлы и праздника больших сюрпризов, на котором я из рук Самодержца принимаю волшебные подарки.

118

ШЕСТАЯ ГЛАВА,

в которой я основываю колонию и переживаю кризис, а также призываю привидение на остров Ужасов.

145

СЕДЬМАЯ ГЛАВА,

в которой я описываю триумфальное открытие преобразенного «Морского оркестра» и богатое приключениями экспериментальное погружение в морскую глубину.

174

ВОСЬМАЯ ГЛАВА,

в которой я сообщаю обстоятельства свадьбы Шнырька, легкой лапой касаюсь своей драматической встречи с мамой Муми-тролля и под конец глубокомысленно завершаю свои мемуары.

194

ЭПИЛОГ

216

Литературно-художественное издание

Тове Янссон

МЕМУАРЫ ПАПЫ МУМИ-ТРОЛЛЯ

Ответственная за выпуск *Наталья Соколовская*

Редактор *Людмила Лебедева*

Художественный редактор *Вадим Пожидаев*

Технический редактор *Татьяна Тихомирова*

Корректоры *Людмила Борисова,*

Татьяна Бородулина

Верстка *Алексея Положенцева*

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.08.98.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Академическая.

Тираж 10 000 экз. Усл. печ. л. 11,76. Изд. № 523. Заказ № 1834.

Издательство «Азбука».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

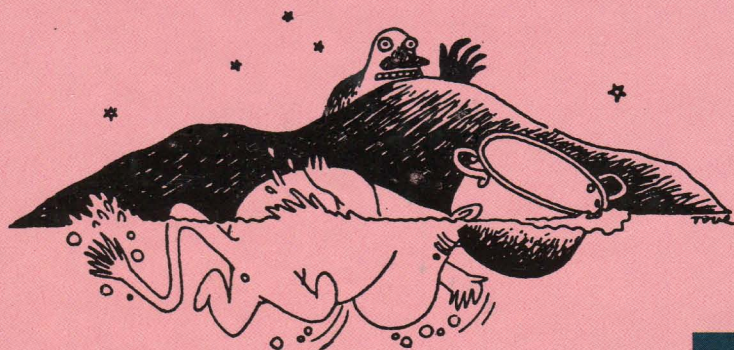
Отпечатано с готовых диапозитивов в ГПП «Печатный Двор»

Государственного комитета РФ по печати.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)

Всё о муми-троллях

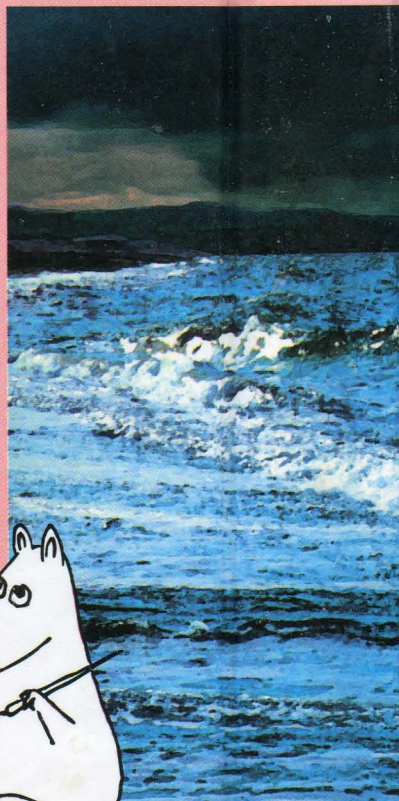

ТУВЕ
ЯНССОН

МЕМОАРЫ
ПАТЫ
МУМИ-
ТРОЛЛЯ

Маленькие тролли
и большое наводнение
Комета прилетает
Шляпа Волшебника
Мемуары папы Муми-тролля

Опасное лето
Волшебная зима
Дитя-невидимка
Папа и море
В конце ноября

ISBN 5-7684-0523-2

9 785768 405236